

20. Антитеррористический (ненасильственный) иммунитет гармоничного мира

В.В. Кавторин, Л.М. Семашко

Чему может послужить избирательное право детей, исполняемое родителями?

В этой статье, написанной под впечатлением жесточайшей трагедии Беслана, предпринята попытка осмыслить глубинные источники терроризма и предложить, социокультурный и политико-правовой институт избирательного права детей, исполняемого родителями, как механизм воспроизводства антитеррористического иммунитета, минимизирующего почву терроризма.

Чудовищный, зверский акт захвата террористами более тысячи детей, из которых, по официальным данным, 170 были убиты в средней школе осетинского города Беслана потряс всю страну, шокировал население и власть. Беслан – это шоковое преступление, выходящее за пределы устоявшихся представлений о добре и зле, а потому требующее большого времени для осмысления и инновационных культурных преобразований, адекватных пережитой Россией культурной травме. В нашей статье мы будем исходить из определения терроризма, которое учитывает все его параметры, т.е. источники (причины и мотивы), цели, средства (ресурсы и мишени) и субъекты во всех четырех сферах общества: социальной, культурной, политической и экономической.

Самым простым и очевидным являются средства терроризма – насилие над людьми в виде убийства или угрозы убийства. Однако, ввиду особой жестокости и бесчеловечных целей, террористическое насилие должно квалифицироваться не просто как «военное преступление», а как «преступление против человечности», попирающее все культурные нормы, низводящее человека до уровня животного или вещи. В качестве средств терроризм использует все сферные ресурсы: человеческие, информационные (в том числе культурные, идеологические), организационные (в том числе финансовые), материальные (в том числе военно-технические). Мишени терроризма – это те наиболее ценные ресурсы общества, которые захватываются террористами для использования в качестве средства давления и достижения своих конечных целей. Субъектами терроризма, его «вдохновителями» и исполнителями может быть индивид, организованная группа, государство. Главной психологической чертой субъектов терроризма является отсутствие антитеррористического иммунитета, т.е. внутренних установок,

препятствующих терроризму. Порождающими источниками (причинами и мотивами) терроризма являются наиболее острые противоречия во всех сферах общества. Цели терроризма также не выходят за пределы сфер, поэтому они являются социальными, идеологическими, политическими, экономическими как по отдельности, так и в любых сочетаниях и различных приоритетах. Исходя из предложенных оснований, можно сформулировать следующее, системно-сферное и сетевое, определение терроризма, которое охватывает все его факторы и включает элементы многих других, более частных, его определений.

Терроризм – это преступление против человечности в форме особо жестокого, попирающего все культурные нормы, насилия над людьми в виде убийства или угрозы убийства, порождаемое наиболее острыми противоречиями во всех сферах общества и осуществляемое индивидом, организованной группой или государством, лишенных антитеррористического иммунитета, с использованием ресурсов всех сфер для достижения противозаконных целей в любой сфере общества, прежде всего в политической¹.

Борьба с терроризмом: достаточна ли президентская программа?

Президент В. Путин в своем выступлении² на расширенном заседании правительства 13 сентября 2004, посвященном трагедии Беслана, сформулировал программу борьбы с терроризмом в России, которая включает в себя блоки политических, военных и социальных мер.

Суммируя результаты борьбы государства с терроризмом по всем направлениям, В.В.Путин вынужден был с горечью признать: «Борясь с проявлениями террора, мы практически не достигли видимых результатов ...*прежде всего в ликвидации его источников* (курсив наш — авт.)». Поскольку терроризм проявляется военным способом, но рождается в невоенных сферах, прежде всего в социальной, культурной и экономической сферах, где и формируется «питательная почва для экстремистской пропаганды, для роста очагов террора, для вербовки им новых сторонников», то особенно тягостным следует признать положение именно в социальной сфере (семья, дети, пенсионеры, родители, образование, занятость и т.п.), где должен формироваться антитеррористический иммунитет, где он, при стечении неблагоприятных факторов, прежде всего, нейтрализуется и разрушается. До тех пор, пока не будет создан эффективный механизм предупреждения социальных источников терроризма, нам не стоит ожидать ни ограничения его стремительного расползания, ни тем более его искоренения. Поэтому, как ни чудовищно это

предсказание, без эффективной социальной политики Беслан может повториться, в том или ином варианте, еще много раз.

Однако третий (социальный) блок президентской программы свелся лишь к некоторым констатациям. В его рамках отмечается особо низкое социально-экономическое положение северокавказских республик, в которых уровень жизни, образования и доходов намного ниже, а безработица намного выше общероссийских показателей, что, разумеется, создает широкую питательную почву для терроризма, но какие-либо пути искоренения этих перекосов не определены. Очень важное заявление президента о необходимости активного участия населения также осталось неконкретизированным, хотя нам представляется само собой разумеющимся, что ни в военных, ни в полицейских антитеррористических мерах участие населения не может быть ни широким, ни эффективным.

Если война с терроризмом действительно является «общенациональной и общегосударственной задачей», ставшая приоритетной для сегодняшней России, то нам следует, прежде всего, реально оценить социальные явления его порождающие. Президентская оценка терроризма исключительно как «международного» хороша лишь в качестве политической риторики, но лишь затрудняет подлинное понимание этого многосоставного явления нашей сегодняшней жизни. Прежде всего, бросается в глаза длинный ряд террористических актов, в которых не только международный, но даже и «чеченский след» никак не просматривается — убийства вице-губернатора Петербурга Маневича, депутатов Госдумы Старовойтовой и Юшенкова, ряда журналистов, обладая всеми признаками политического террора, относятся безусловно и исключительно к внутренней жизни России, являясь следствием общей криминализации многих ее сторон, в том числе — более чем осязаемого присутствия криминала и присущих ему методов действия в политических и властных структурах. Всеобщая коррумпированность госаппарата, в том числе и силовых структур, является, на наш взгляд, фактором не только облегчающим существование и деятельность террористических группировок, но и порождающим те настроения, которые позволяют террористам постоянно пополнять свои ряды, т.к. именно коррумпированность силовых структур рождает их произвол в отношении мирных граждан различных национальностей, который, в свою очередь, порождает те настроения ущемленности, отчаяния и бессилия, прямо ведущие к терроризму. Борьба с этими источниками терроризма военно-полицейскими методами невозможна в принципе.

Еще большая группа терактов — взрывы жилых домов, массовые захваты заложников в Буденновске, Москве и Беслане — напрямую связаны с фактически более чем десятилетие

длящейся на территории России локальной гражданской войной. Кто бы ни был виноват в начале чеченского конфликта, история достаточно наглядно показала, что урегулирование его путем силового давления, попрания прав человека в самой Чечне и сопредельных регионах, а также подкупа части чеченской элиты невозможна. Без урегулирования чеченского конфликта мы обречены «бороться с терроризмом» еще многие десятилетия. Причем сама эта «борьба» будет не только поставлять террористам все новые и новые кадры, но и разлагать силовые структуры, воспитывая в них презрение к законности и правам человека, ярким свидетельством чему стало предложение генерального прокурора страны о контрзахвате заложников. Фактически нам предложили в нравственном и юридическом отношении опуститься на уровень бандитов и действовать бандитскими методами.

Что касается собственно международного терроризма, то он выступает во второй группе терактов лишь как поддерживающий, усиливающий фактор — источник финансов, добровольцев и (частично) вооружения. Без урегулирования чеченского конфликта финансовый и добровольческий потоки можно до известной степени минимизировать, но окончательно пресечь — вряд ли.

Таким образом, следует четко понимать, что основные источники нынешней террористической войны лежат не вне российского общества, а в нем самом — в нерешенности многих его социальных, политических и социально-психологических проблем. Предлагаемый нами социальный инструмент избирательного права детей, исполняемого их родителями, неспособен, разумеется, решить весь этот узел проблем, но по нашему убеждению, он будет способствовать решению самой глубинной из них — формированию в обществе антитеррористического и — шире — антидиверсионного иммунитета.

Что такое антитеррористический иммунитет?

Понятие антитеррористического (более широко – антидиверсионного) иммунитета является сложным и многомерным социо-культурным и политико-психологическим понятием. Оно включает гуманистическое, культурное, политическое и экономическое измерения, требует междисциплинарного, сетевого подхода. Этот сетевой, системно-сферный подход был проявлен в определении природы терроризма. Попробуем также определить и антитеррористический иммунитет.

Антитеррористический иммунитет – это устойчивый социально-психологический, духовный настрой людей, населения и власти (всех ее представителей), исключаящий

возможность какого-либо их участия в терроризме или пособничества ему, формируемый в социальной сфере с детства новой культурой отношений и взаимной ответственности поколений, прежде всего в семье. Эта культура воспроизводит в настроении людей такие ценности и социальный капитал человека, которые предотвращают терроризм, служат лучшим, наиболее эффективным, заслоном порождающим его факторам во всех сферах общества, выступают наиболее действенной, внутренней, формой антитеррористического социального контроля.

Мы не претендуем на завершенность и окончательность данного определения, а лишь подчеркиваем культурное происхождение этого иммунитета и его формирование с детства в системе новой взаимной ответственности поколений. А также его универсальный характер, противостоящий причинам терроризма во всех сферах.

Краткая история идеи избирательного права детей

Общая концепция избирательного права детей, его социальной необходимости и множества позитивных его следствий, дана в книге «Избирательное право детей — ключ к решению проблем детства», написанной совместно с социологом Р. М. Деви́т и изданной в 2004г³. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми его историческими деталями, кратким сравнением двух его вариантов.

Избирательное право детей означает, что дети до 18 лет получают по закону ПРАВО избирательного голоса, вносятся в избирательные списки, а ИСПОЛНЕНИЕ этого права (голосование) возлагается на их родителей или законных опекунов. (Нисколько не умаляя опекунов, в дальнейшем мы будем говорить о родителях).

История избирательного права — это история его постоянного расширения сначала его получили богатые взрослые мужчины, потом все взрослые мужчины с 25 лет, потом женщины и представители других рас, потом молодежь с 18 лет, хотя в разных странах возраст совершеннолетия может быть разным. Современное избирательное право осталось нам в наследство от уходящего индустриального общества и на протяжении двух веков постепенно освобождалось от многочисленных цензов этого общества — расовых, имущественных, гендерных и т.п. Сохранился непреодоленным лишь последний — возрастной — ценз, создающий «черную дыру» избирательного права, в которой находятся дети до 18 лет, составляющие в среднем примерно четверть населения. Это порождает «черную дыру» политики. По отношению к детям сохраняется вопиющая политическая несправедливость и дискриминация.

Становясь гражданином страны с момента рождения, ребенок становится избирателем только через 18 лет, как будто эти годы дети ничем общественно полезным не заняты, живут вне общества, не являются его членами, не имеют потребностей и проблем, которые требуют постоянного политического представительства и выражения.

Эта «прореха» в избирательном праве и политической системе начала осознаваться давно. Идея избирательного права детей и политического представительства их интересов в разных формах носится в воздухе почти сто лет! Впервые ее высказал еще в 1905 году великий русский ученый Д. И. Менделеев, правда, в косвенной форме введения «детского ценза» для депутатов Госдумы⁴. Великий польский педагог и писатель Януш Корчак, говоря о желании родителей, «чтобы дети были лучше нас» и в то же время характеризуя положение детей как «закрепощенного класса», «не избирателя», впервые определил социальную, политическую и гражданскую равную ценность ребенка и взрослого: «главная мысль: ребенок равный нам – ценный — человек»⁵.

Но наиболее активно идея избирательного права ребенка стала выдвигаться в разных странах в последние 15-20 лет, причем сначала в форме прямого участия детей в выборах. Впервые, насколько нам известно, данный вариант идеи был сформулирован в 1991 году в статье «Дайте детям голос» американки Виты Уоллис⁶. Она доказывала, что все граждане, включая детей, должны иметь возможность голосовать без возрастного ограничения, аргументируя эту идею аналогиями в женском и «черном» избирательном праве, а также демографическими и статистическими данными. Для пропаганды этой идеи в США были образованы «Ассоциация за избирательное право детей»⁷ и «Американцы за общество, свободное от возрастных ограничений»⁸, а в Германии — молодежная группа «К.Р.Д.Т.З.Д.»⁹. Эти организации исходят из принципа «один человек – один голос», из гражданства детей и необходимости снять конституционные ограничения на участие детей в выборах.

Эти организации достигли многого. Немецкая группа даже довела этот вопрос до обсуждения в Бундестаге, но перелома общественного мнения в свою пользу они так и не добились. Тому есть две причины: голосование самих детей любого возраста и отношение поколений. Когда эти организации на вопрос, с какого возраста дети могут принимать участие в голосовании, отвечают «с любого», хоть с двух лет – это не может не шокировать, и не оттолкнуть от идеи избирательного права детей. Естественное возрастное ограничение для голосования необходимо. Оно должно устанавливаться в соответствии с нормами каждой национальной культуры. Требовать отказа от любых возрастных ограничений – значит погубить замечательную идею на корню. Другой (и не меньший!) недостаток данного варианта идеи избирательного права

детей заключается в противопоставлении, в разрыве поколений — дети голосуют сами по себе, независимо от степени понимания политической ситуации, независимо от родителей и вопреки им. Такой радикализм — отменить избирательный ценз вообще и сразу — вряд ли найдет поддержку у здравомыслящих родителей. Такой вариант избирательного права детей может стать еще одной пропастью между поколениями. Думаем, что в таком варианте оно не будет принято никогда.

Другая модель избирательного права детей состоит в том, что оно исполняется не самими детьми, а родителями. Она рассматривается в ряде статей С. Рингена¹⁰, П. Париджа¹¹ и других. На Западе она имеет много синонимичных названий: «семейное голосование», «универсальное избирательное право», ‘children's voting right, vicariously exercised’ (в аббревиатуре: *ChiVi*¹²). Остановимся на последней по времени статье немецкого социолога из Бремена, профессора Карла Хинрикса под интригующим названием «Пожилые эксплуатируют молодых? Если это так, то не является ли наделение детей избирательным правом хорошей идеей?». Прежде всего, автор рассматривает этот вопрос в рамках благосостояния поколений, подчеркивая вслед за многими исследователями, что уровень детской бедности превышает уровень бедности пожилых людей почти во всех странах Запада и эта тенденция усиливается. Кроме того, ожидается, что молодое поколение и в будущем будет получать от государства всеобщего благоденствия меньше, чем старшие поколения. Это неравенство между возрастными группами в большой степени является результатом увеличения числа пожилых избирателей электората, на требования которого отвечают политические партии и правительства. В подтверждение этой зависимости Хинрикс приводит слова М. Вебера, «решающим аргументом всех современных политических партий является избирательный бюллетень»¹³, который все чаще оказывается в руках пожилых. Предоставление права голоса детям, которое будет осуществляться родителями, является, с точки зрения Хинрикса, неоднократно предлагавшимся методом усиления просемейной политики и преодоления геронтократической угрозы. Он приводит слова Гуннара Мурдала, который еще в 1940 году объяснял противоположные тенденции бедности детей и пожилых тем, что «пожилые имеют избирательный голос, а дети не имеют». С точки зрения Хинрикса, старение избирателей становится препятствием для улучшения благосостояния детей: оно увеличивает межпоколенную несправедливость в перераспределении налогов в пользу пожилых. Автор подчеркивает, что через 20-30 лет в Германии пожилые избиратели (с 55 лет) получат абсолютное большинство (свыше 50%), с которым связываются опасности геронтократии, консерватизма и краткосрочности политической стратегии, в то время как ориентация на интересы детей создает долгосрочную и инновационную политическую стратегию. В рамках контекста современной Германии он

исследует множество аргументов не только "за", но и "против" избирательного права детей, исполняемого родителями¹⁴.

В России пропагандируется и развивается именно та модель избирательного права детей, в которой правом *наделяются и обладают* дети, а *исполняется* оно их родителями. Данная парадигма избирательного права детей наиболее эффективна во всех аспектах, хотя и она сталкивается с рядом серьезных проблем. Первое публичное выражение этой идеи в России относится к 2000 году. Тогда она рассматривалась как один из принципиальных элементов будущей «сферной демократии». В ней *«право голоса получают все дети, которое реализуется родителями до совершеннолетия детей»*¹⁵. Второе публичное выражение эта модель нашла в обстоятельной статье А. В. Баранова в связи с проблемой депопуляции России. Он писал: *«Возможно ли увеличение рождаемости? – Думаю, да... Чтобы возможность стала реальностью нужно сместить фокус социальной политики с пожилых на молодых... Решение задачи – в предоставлении детям с рождения права избирать политическую власть всех уровней. Разумеется, детским бюллетенем, до достижения ребенком 18 лет, будут голосовать родители»*¹⁶. Но мы не стали бы заострять противопоставление молодых и пожилых, ибо оно восстанавливает последних против этой идеи и вбивает еще один клин между поколениями.

Самое важное достоинство избирательного права детей, исполняемого родителями, заключается в том, что оно создает качественно новую, четко ориентированную на приоритет интересов детей, политическую (избирательную) мотивацию большей части электората, прежде всего родителей и молодежи. Приоритет детей есть здесь одновременно приоритет родителей, особенно женщин и матерей, несущих основное бремя забот о потомстве. Современная избирательная мотивация размыта между множеством очень близких программ политических партий и кандидатов. Эти программы настолько похожи и невыразительны, что люди голосуют не за них, не по разуму, а по эмоциональным предпочтениям. Размытая политическая мотивация дает размытые итоги голосования со всеми вытекающими слабостями и пороками современной демократической власти. Исходный вопрос – за что голосовать, за чьи интересы – тонет во множестве второстепенных мотивов избирателей и сводится к удручающему и отталкивающему выбору меж двух зол: большим и меньшим. В этом мотивационном хаосе можно голосовать за все что угодно, только не за самое важное для людей и общества. В избирательном мотивационном поле отсутствует жизненно приоритетный центр, который бы объединял избирателей, а также ориентировал бы и их, политиков (партии и кандидатов), конкурирующих на выборах. Отсутствие такого мотивационного центра раскалывает избирателей по личностным предпочтениям и

зачастую мистифицированному восприятию политической риторики на противоположные и часто враждебные лагеря, делая их легкой добычей различных «технологий» политического манипулирования. Мотивационный хаос и отсутствие общезначимого для электората и политических игроков избирательного стержня резко снижает качество выборов, выборных органов и фигур, т.е. качество всей политической власти, и тем самым дискредитирует ее. Действующая избирательная система разрушается, лишает население притягательных мотивов голосования.

Кардинальная роль избирательного права детей, исполняемого родителями, заключается именно в том, что оно создает простой, притягательный и жизненно важный для населения общий мотивационный центр приоритета интересов детей и интересов всех тех, кто с детьми связан: родителей, педагогов, врачей, бабушек, дедушек и т.д. – до 70-80% населения. Вместе с этим мотивом оно создает качественно новую избирательную систему, с четко выраженной стратегической целью, принципиально иным, позитивно заинтересованным, политическим поведением электората. Она ставит избирателя в ситуацию приоритета интересов детей и выбора партий и кандидатов именно для этого жизненно важного приоритета, а не для какого-либо другого, что, несомненно, максимально активизирует население. Избирательная система модернизируется и гуманизирует гражданское общество и правовое государство. Она объединяет их интересы, выступает связующим механизмом. Избирательное право детей становится важным институтом и гражданского общества, консолидируя избирателей, и правового государства, обеспечивая новое качество власти. Оно обеспечивает парламентское большинство интересам детей и связанным с ними групп населения, поэтому оно ориентирует парламенты на приоритетное бюджетное финансирование сферы детей¹⁷ а вместе с ней и всей социальной сферы. Если сейчас лишь 7% населения считают, что бюджет отражает его интересы, а около 70% уверены в обратном¹⁸, то приоритетное бюджетное финансирование сферы детей, перевернет эту ситуацию. Ради справедливости, надо подчеркнуть, что избирательное право детей действует не как жестко однозначная необходимость, а как мягкая многовариантная *возможность*: а) консолидации большинства электората в интересах детей и будущего, б) формирования соответствующего парламентского большинства, в) ориентации госбюджета на приоритетное финансирование сферы детей. Таково главное достоинство предлагаемого социального инструмента, которое определяет другие его многочисленные достоинства и позитивные качества. Заметим также, что демократия всегда развивалась и преодолевалась собственные кризисы за счет своего расширения, снятия тех или иных цензов, и избирательное право детей полностью соответствует этому развитию, не

говоря уже о том, что именно родители являются наиболее социально ответственной, наиболее заинтересованной в лучшем будущем группой избирателей.

Избирательное право детей как социокультурный институт

Рассмотрим социально-психологический и культурный механизм действия избирательного права детей, исполняемого родителями и опекунами. Юридическим стержнем этого института должен являться закон «Избирательное право детей России»¹⁹, который устанавливал бы определенную культурную и правовую связь двух основных поколений, соединенных в семье: детей и родителей. Мысленно промоделируем изменение их взаимоотношений в случае, если обществом и государством такой закон будет принят.

Разумеется, речь пойдет о нормальных родителях, которые любят детей и заботятся о них, о их настоящем и будущем, по крайней мере, не равнодушны к их судьбе. Надо подчеркнуть, что число таких родителей — подавляющее большинство. Как будут действовать такие родители, если они получат законное право использовать на всех выборах голос своего ребенка, если в избирательные списки будут включены не только родители, но и их дети? Какова модель выбора в этой ситуации?

В первую очередь, она способствует осознанию родителем того, что, заполняя избирательный бюллетень своего ребенка, он голосует в его интересах. Он осознает, что это есть и его личный интерес, мотив, а одновременно и его общественный долг. Мы уверены, что в подавляющем большинстве родители осознают реальные потребности детей, их интересы в основном совпадают, поэтому политический выбор родителей будет адекватен интересам детей. Хотя в случае с детьми старших возрастов, 13-17 лет, вполне возможны и расхождения политических предпочтений. Это может стимулировать внутрисемейные обсуждения, а следовательно и более полное и ясное осознание своих интересов как детьми, так и родителями. В чем заключается основной интерес ребенка по отношению к избираемой власти на любом уровне? Поскольку основная задача власти – это распределение бюджетных средств на всех уровнях, постольку объективно основной интерес ребенка заключается в *приоритетном бюджетном (государственном) финансировании сферы детей*. Если родитель понимает это, он будет обладать четким критерием для своего политического выбора.

Во-вторых, если родитель осознает, что в подобном выборе заключается не только его личный мотив как родителя, но соответствующая общественная (в том числе и политическая)

ответственность, то из числа кандидатов на выборные должности он отдаст свой голос и голос ребенка тому, чья программа, опыт и действия в наибольшей мере отвечают задачам: а) формирования антитеррористического (и более широко – антидевиантного) иммунитета детей, б) обеспечения безопасности детей (а значит и всего общества) и в) приоритетного, т.е. первоочередного и максимально возможного в данный период и в данном месте, бюджетного финансирования сферы детей.

Представленный механизм культуры общения поколений, создаваемый избирательным правом детей, направлен на решение многих задач, но главная из них - формирование антитеррористического (более широко – антидевиантного) иммунитета подрастающего поколения путем выработки и проведения наиболее эффективной социальной политики, сужающей, а в идеале и сводящей на нет социальные причины террористических проявлений.

Мы считаем излишним предугадывать те формы семейного и социального общения, которые будут порождены этим избирательным правом — жизненная практика всегда богаче и разнообразнее того, что может быть предсказано. Многообразие и сложность политической социализации детей, которые должны учитываться родителями в своем общении с ними, более детально исследована в работе Н. А.Головина и В. А. Сибирева²⁰.

Механизм антитеррористического иммунитета

Новая, террористическая угроза требует новой культуры мира, семьи и отношений между поколениями. Но новая культура может вырасти только на фундаменте традиционной культуры. Поэтому, формируя социокультурный институт избирательного права детей для России, мы должны прежде всего найти в ее культуре и менталитете такие ценности, на основе которых может возникнуть и развиваться этот институт.

Особо следует остановиться на роли семьи и детей в русской общине, которая была фундаментом досоветской культуры России на протяжении почти тысячи лет и поныне составляет ее наиболее глубокий, архаичный пласт. Община есть *мир*, она означала для русского человека первую вселенную, народ, которые определяли «спокойствие», «согласие», «мир», «мирное сообщество», как пишет Б. Н.Миронов. «Община была для русских людей и вселенной, и мирным сообществом, в котором люди должны жить мирно». Община строилась на объединении патриархальных семей, на принципах равного доступа к природным ресурсам и «коллективной ответственности перед государством за налоги и преступления, совершенные на территории

общины». Община охватывала все стороны жизни человека на основе обычного права, т.е. стихийно выработанных обычаев и традиций. В сельской общине земля, платежи и повинности делились между семьями (домохозяйствами), пропорционально численности душ мужского пола, включая младенцев и стариков. Значит, в общине интересы детей учитывались наравне с интересами взрослых. На детей распространялись два неперемных требования общины: «равенство всех в праве на общинную землю и равенство всех в обязанности платить налоги и повинности»²¹. И как равные их права, так и равные обязанности, *исполнялись родителями до их взрослости*. Пользование правами и исполнение обязанностей за своих детей было обычной, само собой разумеющейся нормой, неписаной традицией заботы отцов о детях. *Именно в этой особенности русской культуры мы видим исходный корень института избирательного права детей, исполняемого родителями*. По сути, мы предлагаем эту культурную традицию лишь модернизировать и институализировать применительно к требованиям современности.

Особо отметим, что возрождение этой традиции русской общины никоим образом не ведет к возрождению ее негативных традиций, в частности подавления личной инициативы и установления различных норм коллективной ответственности, оборотной стороной чего неизбежно является тотальный контроль личного поведения. Материальной основой этих сторон общинного сознания являлось хозяйственная эксплуатация общинниками единого и ограниченного природного ресурса (земли, леса, вод и т.п.), что было невозможно без подавления внутриобщинной хозяйственной конкуренции. А без этой материальной основы нет оснований и опасаться возрождения негативных сторон общинного сознания.

По свидетельству большинства исследователей роли семьи и детей в русской культуре во все времена отмечалась их ведущая ценность и для человека, и для социальных институтов. И патриархальная, и современная семья занимают центральное место в системе ценностей российской культуры. По проведенным с 1990 года исследованиям «наибольшую ценность для россиян имеет семья, затем следует работа, друзья, свободное время, религия. При этом ценность политики для россиян достаточно низкая»²².

В системе внутрисемейных ценностей ведущее место занимают любовь и заботы о близком, взаимная поддержка и воспитания детей, продолжения себя в детях. Особую важность дети имеют для женщин, которые ставят их на первое место (93,3%), а мужчины ставят их на второе место (86.7%). Причем, супруги, уже испытавшие счастье материнства и отцовства, оценивают значимость для себя детей значительно (в несколько раз) выше, чем женихи и невесты²³.

Таким образом, можно сделать вывод, что и в традиционной, и в современной семейной культуре России, при всем их различии, в качестве базовых сохраняется ценность семьи и связанных с ней приоритетов. Институт избирательного права детей их укрепляет и развивает. Поэтому он органично вписывается в контекст российской культуры вообще и культуры семьи в частности. Он образует новый канал духовной коммуникации поколений, новый тип диалога между отцами и детьми, новую форму их сотрудничества, преемственности и взаимной ответственности. А потому является культурным сетевым (т.е.блокирующим всю систему источников терроризма) механизмом антитеррористического иммунитета.

Болезни российской культуры – почва терроризма

Россия больна, больна ее культура, ее душа. Болезни ослабили иммунитет ее выживания. Они создают питательную почву для массового терроризма как особо опасной эпидемии. Многие культуры мира, в том числе России, заражены семенами терроризма, которым не противостоят практически никакие иммунные заслоны и институты. Утверждая, что восполнить этот пробел может институт избирательного права детей, исполняемого родителями, мы должны, не претендуя на системный анализ этих сложных явлений, хотя бы вкратце характеризовать некоторые из них, опираясь на компетентные мнения экспертов.

Один из диагнозов больной России – «тотальное недоверие». «Мы уже который год живем в ситуации недоверия всех ко всем», поколений — пишет, например, Даниил Дондурей. Причину тотального недоверия он видит в идеологии, в засилии старой, коммунистической и отсутствии новой. «Ни одна из реальных сил в стране ...не осознает, что в сознании миллионов по-прежнему царит советская власть», что «у нас в головах модернизация прежней системы еще даже не начиналась... Первое, что требуется России, – это сделать идеологию предметом общественного обсуждения. Но никто этого делать не хочет»²⁴. Вместо идеологии у нас «сейчас царит культ денег и людей, которые имеют деньги... У народа потеряна идея жизни..., поэтому женщины сегодня не рожают»²⁵. Это Даниил Гранин. Идеологический паралич современной российской культуры – очень опасная болезнь. Она подрывает ее духовный стержень, парализует моральный иммунитет и создает благоприятную «культурную» почву для терроризма и «глобальной девиантизации» (термин Я.И.Гилянского – *авт.*) России. Избирательное право детей способно преодолеть идеологический паралич, выдвигая в качестве высшего приоритета ценность детей, что

восстанавливает культурную идентичность и способствует выработке объединяющей народ здоровой идеологии.

Другой диагноз больной культуры России – «отсутствие диалога, которое порождает насилие». «Когда каждый вертится в своем кругу, общество распадается на маргинальные группы. В России, к сожалению, отсутствует традиция диалога – и на бытовом, и на парламентском уровне, а сейчас к тому же прекратился диалог между народом и властью. На смену дискуссиям пришли политтехнологии. Демократия есть не что иное, как обмен мнениями. Без него не прийти ни к какому согласию»²⁶. Для серьезного диалога нужны по крайней мере две вещи: плюрализм идей и культурная привычка, навык диалога. Ни того, ни другого в современной российской культуре нет. А отсутствие диалога – это тоже предпосылка терроризма. Ибо всегда находятся группы, пытающиеся решить насилием необсуждаемые, замалчиваемые обществом вопросы.

Третий диагноз – бедность. Бедность – признак не только слабой экономики, но и симптом больной культуры, плодородная почва терроризма. По официальным данным 20% населения живут за чертой бедности, а 50% балансируют около этой грани, причем большинство из них это люди с образованием и постоянным местом работы. За 12 лет экономических реформ лучше стала жить лишь одна и без того обеспеченная группа населения – примерно 20% россиян. За это время Россия по числу миллиардеров вышла на третье место после США и Германии. Даже согласно официальным данным Госкомстата, в которых, естественно учтены лишь легальные доходы, децильный коэффициент распределения доходов составляет 14,6, т.е. 10% наиболее обеспеченных граждан России имеют доходы в 14,6 раз больше, чем 10% наименее обеспеченных. Но это, повторим, соотношение *легальных* доходов. На материале исследования президента гильдии маркетологов И. Берзина, в котором дополнительно учтено также распределения \$100 млрд. «серых» доходов наших сограждан, это соотношение определяется уже как 29,3 раза. Но и Берзин учитывает расходы россиян в основном внутри страны (плюс зарубежный туризм), чем, естественно, занижаются расходы самых богатых. Следовательно, в реальности социальные контрасты еще тревожней. Реформы породили «две совершенно разные России, два образа жизни, две морали (и культуры – *авт.*). Одна – для людей с нищенской зарплатой и пенсией. И другая – где деньги девать некуда и которой наплевать на первую»²⁷. Итак, олигархи и государство высасывают капитал из страны и народа, порождая чудовищный раскол нации и культуры на антагонистические, нищую и богатую, части. Это создает самую питательную среду для терроризма. Преодолеть этот раскол можно только на самом глубинном уровне семьи и культуры поколений, в том числе — с помощью института избирательного права детей.

Коррупция – четвертый диагноз больной культуры. По некоторым сведениям до 80% государственного аппарата коррумпировано. 82% населения уверено, что должностные лица берут взятки²⁸. Ученые говорят о том, что «все российские министерства и ведомства поражены коррупцией», все они связаны в коррупционные сети, руководителями которых являются «самые высокопоставленные российские чиновники и политики», создающие «тотальную коррумпированность всех ветвей власти на всех уровнях», в условиях которой «принципиально невозможно решить ни одной социальной, экономической, политической проблемы»²⁹. Тотальная коррупция означает, что практически весь государственный аппарат вместе с армией, милицией и другими многочисленными правоохранительными органами, примерно 5 миллионов человек, которые призваны бороться с терроризмом, лишены самого главного – антитеррористического иммунитета. Но в этих органах он и не формируется. Он может формироваться в семье и школе, если будет работать институт избирательного права детей. Ибо — могут ли родители быть уверены в безопасности своих детей, если их охраняют такие «охранители»?

Отвращение к власти – пятый диагноз. По опросам в стране постоянно падает доверие к власти. Постоянно снижается рейтинг лидеров «Единой России» и проигравшей оппозиции – доверие к ним упало до 6-3 %. «Особенно низко доверие к депутатам. Люди считают, что большинство из них идут в политику, чтобы «хапнуть», и, едва переступив порог Госдумы, забывают о клятвах и любви к народу». «В докладе независимого общественного Совета по национальной стратегии среди основных угроз на ближайшие годы называется недееспособность государственного аппарата, который вовлечен в обслуживание интересов олигархических группировок и слабо связан с интересами основной части бизнеса и населения»³⁰. Больное, государство вылечить себя неспособно. Для оздоровления ему необходима мощный социальный подпор, общественное давление, которое ему может дать институт избирательного права детей, охватывающий до 80% населения.

Ксенофобия, заполняющая идеологические пустоты современной русской культуры и сеющая живые семена терроризма – шестой диагноз нашей болезни. При сокращении за 10 лет русских на 2 млн. и росте исламской составляющей на 2 млн. «ресурс этнической ненависти продолжает расти ...страхи и бедность – вот та опасная смесь, которая питает национализм с привкусом «русского фашизма». По оценке экспертов, в России более 50 тыс. ультра. Их годовой прирост – 20%»³¹. Сейчас, почти каждый месяц в больших городах страны происходят убийства или избиения иностранцев. Русские ультра в одно мгновение могут стать террористами — уже сейчас их участие четко просматривается в ряде террористических акций, таких как убийство Г.

Старовойтовой с одной стороны или серии убийств детей некоренных национальностей в Петербурге — с другой. Впрочем, это обычный путь всех ультра-националистов. Так произошло с ними и в странах фашизма, и в сталинскую эпоху в СССР. Эти люди, составляющие живой ресурс терроризма в России, также не получили ни в семье, ни в школе заряд антитеррористического и антиксенофобского иммунитета. Другое живое семя терроризма — определенный слой силовых структур. В западной прессе, после выступления Путина 13 сентября звучал призыв, что для борьбы с терроризмом «Путин должен решительно выступить против повседневного бытового терроризма своих военных, милиционеров и сотрудников спецслужб»³². Живые семена терроризма — это и кровная месть, и межнациональная рознь, и различного рода фанаты, регулярно устраивающие уличные погромы и избиения, давая выход своей пока что безадресной агрессии. Но была бы агрессия — адрес найдется. Живые семена терроризма — это студенты, которые, по нищете своей, вынуждены изготавливать бомбы для продажи, и дедовщина, постоянно тлеющая в армии, оборачивающаяся сотнями убийств и самоубийств, отравляющая душу молодых людей и морально подготавливающая их к насилию и терроризму. Живые семена терроризма — процветающие заказные убийства, оплачиваемые олигархами и просто богатыми людьми. Наконец, сюда надо отнести стремительно растущую армию «телефонных террористов» из числа подростков 12-17 лет, против которой милиция бессильна. Как видим, в стране очень широка почва для терроризма и очень много подготовлено семян для нее.

Избирательное право детей, исполняемое родителями, способно в той или иной мере преодолеть все перечисленные системные предпосылки терроризма в культуре России, сформировать позитивные идеалы, нравственные устои и антитеррористический иммунитет, способные нас оздоровить, хотя, конечно, не сразу, но в ряду последующих поколений. Такая перспектива, очевидно, лучше перспективы распада страны, окончательной ее гибели или гражданской войны.

В заключение подчеркнем: спасти Россию от смертельного комплекса системных болезней, с нашей точки зрения, смогут только новые поколения детей и их родителей через 20-40 лет. Но надежда на спасение станет реальной, а не пустой, если она будет подкреплена сегодня или в ближайшие годы системным социокультурным институтом избирательного права детей. Только он может запустить механизм коренного оздоровления общества, государства и культуры России. Других путей для выздоровления и спасения не видится. Традиционные пути оздоровления через рыночные и либеральные механизмы западной цивилизации, построенные на приоритете денег, в России работают плохо, еще больше обостряя ее системные болезни, что убедительно

подтверждают прошедшие 15 лет. Мировое соревнование на почве западных приоритетов российская цивилизация никогда не выиграет по двум причинам: а) у нее нет соответствующего многовекового культурного опыта Запада и б) его опыт в России всегда осваивался неудачно. На этом пути она всегда будет плестись в хвосте западной цивилизации в качестве ее сырьевого придатка и никогда не станет *другим* полюсом будущего многополярного мира.

Кавторин В.В., писатель, публицист.

Семашко Л. М., к.ф.н., доцент, директор общественного института стратегических сферных (тетрасоциологических) исследований.

6 января 2005 г.

Книга

Л.М.Семашко

Избирательное право детей, исполняемое родителями: социокультурный институт антитеррористического иммунитета

В этой статье, под впечатлением жесточайшей трагедии Беслана, предпринята попытка осмыслить глубинные источники терроризма и предложить, в рамках возрождения некоторых элементов культуры русской общины, социокультурный и политико-правовой институт избирательного права детей, исполняемого родителями, как механизм воспроизводства антитеррористического иммунитета, минимизирующего почву терроризма.

Беслан – культурная травма России

Чудовищный, зверский акт захвата террористами более тысячи детей, из которых, по официальным данным, 170 были убиты (всего убитых – свыше 350 человек, но по некоторым, в том числе зарубежным источникам, эта цифра значительно больше), в средней школе осетинского города Беслан 1-3 сентября 2004 потряс всю страну, шокировал население и власть. Никто не мог даже в мысли допустить подобное. Это событие стало культурной травмой России и ее поколений.

Российское самосознание не знает ничего подобного в своей истории, и потому никак не было готово к нему. Многие народы испытали травматические драмы своей культуры и национального самосознания. Для евреев это был Холокост второй мировой войны, унесший жизни более 6 миллионов человек, Для США это был теракт 11 сентября 2001 года унесший жизни около трех тысяч человек. Для России это стал Беслан, где орудием и жертвой стали дети, а родители, учителя и государство оказались бессильными им помочь. Это травма особой культуры – культуры поколений, культуры их взаимной заботы, помощи, уважения и достоинства. Шок, потрясение, растерянность – психологические признаки травмы культуры, ее незащищенности от новых преступлений и неготовности предотвращать их.

В современной социологии недавно разработана теория культурной травмы³³, с позиций которой объясняются многие драматические события. Например, видный американский социолог, профессор Д.Александр, анализируя преступление нацистов – уничтожение 6 миллионов евреев (Холокост) считает его драматической травмой культуры еврейского народа. Он выделяет три этапа культурной травмы: эмоциональный, когнитивный и моральный, а также три его основных структурных элемента: кодирование травмы как зла, определение особого «веса» этого зла, и осмысление источников, ответственности и последствий этого зла³⁴. Российской культуре и самосознанию, которые находятся еще на первом, эмоциональном, этапе культурной травмы Беслана, предстоит долгий путь ее понимания, моральной оценки и выработки адекватных культурных инструментов предупреждения, противостояния и защиты от подобных травм в будущем. Беслан – это шоковое преступление, выходящее за пределы устоявшихся представлений о добре и зле, а потому требующее большого времени и инновационных культурных преобразований, адекватных национальной травме. Наша статья посвящена некоторым аспектам этого культурного процесса, в частности избирательному праву детей, исполняемому родителями, как новому социальному институту отношений между поколениями, а также между семьей и государством.

Еще один аспект проблемы заключается в том, что Беслан стоит в ряду многочисленных атак международного терроризма на Россию последних лет, которые также еще не нашли должного понимания в национальном самосознании. Развертывающаяся война терроризма требует по-новому взглянуть на его источники, на средства борьбы с ним, на культуру мира, которая пока бессильна остановить это зло, но которая может и должна найти против него адекватные культурные инструменты, искореняющие его источники. В качестве одного из них в нашей статье

анализируется избирательное право детей, исполняемое родителями, создающее сеть антитеррористического (более широко – антидевиантного) иммунитета населения и власти.

Сетевая, системно-сферная природа терроризма

В понятие «природа терроризма» мы включаем все его параметры: источники (причины и мотивы), средства (ресурсы, мишени), субъекты, цели во всех сферах общества. Горизонтальная и вертикальная взаимозависимости параметров терроризма выражает системно-сетевой характер его природы. Это значит, что природа терроризма распределена по всем вертикалям и горизонталям социума, образуя сеть зависимостей очень сложной и многомерной конфигурации. Не поняв сетевой природы терроризма, общество никогда не выработает ни адекватных средств против него, ни соответствующего иммунитета. Попробуем нарисовать общую картину современных подходов к пониманию терроризма и развить наиболее адекватный, с нашей точки зрения – многомерный и сетевой подход.

Все исследователи терроризма отмечают ту или иную его многомерность и системность. Однако, некоторые сводят его в основном к религиозным источникам, опираясь на некоторые заявления его идеологов. Например, лидер террористов Осам Бен Ладен, в ноябре 2001 года после атаки на США заявил: «Мы - террористы, и терроризм - наш друг и компаньон. Пусть Запад и Восток знают, что мы - террористы и мы ужасны. Мы будем стараться терроризировать врагов Аллаха и наших собственных. Терроризм есть обязанность в религии Аллаха»³⁵. Подобные высказывания позволяют отдельным исследователям ограничить терроризм исламскими источниками и одной сферой политики или религии, что, конечно, неверно, так как они могут быть обнаружены в каждой сфере и цивилизации в той или иной мере и форме.

Рассмотрим некоторые новейшие подходы к терроризму³⁶. При всем их многообразии все они носят многомерный характер, что не мешает им существенно отличаться друг от друга, поскольку существует множество вариантов системных подходов.

Американский социолог Б.Филипс развивает «сетевой подход» к терроризму³⁷ в рамках создаваемого им «интерактивного» сетевого мировоззрения, которое он противопоставляет жесткому «стратифицированному» мировоззрению. В рамках интерактивного мировоззрения строится сложная сеть одиннадцати антиномий, связывающих 39 абстракций (понятийных «точек»), в которых анализируется терроризм. Сеть абстракций позволяет ему использовать ее как «лестницу» для движения по ней как сверху вниз – от более общих абстракций к более

конкретным, так и в обратном направлении. Понимая под терроризмом в общем случае «политически мотивированное преступное насилие», он предлагает исследовать его как один из «измов», наподобие расизма, сексизма, этноцентризма и т.п., которые также имеют сетевую природу. Сетевой подход и сетевое мировоззрение также развиваются рядом других ученых применительно к пониманию как жизни в целом, так и современного информационного общества, так и современной сетевой экономики³⁸.

Американский социолог М.Девит так характеризует многомерные источники терроризма. «Источники терроризма лежат не в ценностях и не в фундаменталистской идеологии или религии, а в потребностях, которые определяют мотивацию. Хирургическое (военное) удаление терроризма только расширяет болезнь. Терроризм является симптомом глобальной деструкции. Вызов терроризма требует нового мышления, планирования и стратегии. Терроризм порожден нефтяными баронами и направлен (смещен) с внутренних проблем нефтяных стран Ближнего Востока на Запад. Но этого смещения терроризма на Запад не было бы, если бы Запад соответствовал своим идеалам свободы, законности и равенства возможностей. Однако, эти идеалы стали пустыми обещаниями в последней четверти прошлого века», поэтому запад стал мишенью терроризма³⁹.

Американский журнал «Социологическая теория» опубликовал ряд докладов конференции, посвященной теоретическим подходам к терроризму. Раскроем общий смысл некоторых из них. Д.Блэк с позиций развиваемой им «чистой социологии» разрабатывает многомерную «Геометрию терроризма». В ней дается определение «чистой формы» терроризма как «самопомощи организованных граждан, которые скрытно применяют массовое насилие к другим гражданам ... в многомерном пространстве». В нем физические и социальные дистанции под воздействием технологий сокращаются, социальная вселенная сжимается, что сеет семена террористического разрушения⁴⁰.

Ч.Тилли в статье «Террор, терроризм, террористы» пишет, что эти термины «не идентифицируют причинно последовательные социальные явления, но выражают линии, которые пересекают поперек широкое разнообразие акторов и политических ситуаций. Социологи, которые овеществляют эти термины, путают себя и оказывают плохую услугу публичному обсуждению. Американским правительственным каталогам террористических случаев также присущи оба недостатка»⁴¹. Этим автор подчеркивает слишком упрощенный подход американского правительства к терроризму.

А.Бергсен и О.Лизардо в статье «Международный терроризм и мировая система» пишут, что «волны терроризма появляются в полупериферийных зонах мировой системы в рамках пульсаций глобализации, когда доминирующее государство находится в стадии разложения. Эти и другие факторы могли бы быть объединены в модели действия терроризма в рамках циклических волн мировой системы»⁴².

Э.Обершол в статье «Объяснение терроризма: вклад теории коллективного действия» пишет, «что терроризм - чрезвычайный, насильственный ответ на неудавшийся политический процесс решения политическими режимами, а также этническими и идеологическими противниками фундаментальных проблем управления. Применение теории коллективного действия позволяет объяснить динамику эскалации и упорства насилия. Недавний исламистский терроризм происходит из убеждения, что только теократия является единственным ответом на многочисленные проблемы средне восточных и мусульманских стран. Билеты на терроризм выдаются и внешним социальным контролем и внутренними противоречиями теократических государств»⁴³.

Многомерности терроризма и контртерроризма посвящена целая глава книги известного автора, в прошлом возглавлявшего соответствующий отдел ЦРУ Пауля Пилара⁴⁴.

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в 2002 также подчеркнул многоаспектный характер терроризма: «Терроризм - глобальная угроза с глобальными эффектами; ... его последствия затрагивают каждый аспект деятельности ООН - от развития до мира, прав человека и руководства закона. ... По своей внутренней природе терроризм есть нападение на фундаментальные принципы законности, порядка, прав человека, и мирного урегулирования споров, на которых установлена ООН. ... ООН должна играть регулирующую роль в создании законных и организационных рамок, в пределах которых может разворачиваться международная кампания против терроризма»⁴⁵.

В ООН принято следующее краткое определение: «Акт терроризма - это эквивалент военного преступления в мирное время». «Академическим и согласованным» в ООН признано следующее определение: «Терроризм есть внушающий беспокойство метод повторяющихся насильственных действий, который используется (полу)тайно индивидом, группой или государством по особым, криминальным или политическим, причинам, в котором – в отличие от убийства – прямая цель убийства не является главной. Непосредственные человеческие жертвы насилия, которые служат как генераторы сообщения⁴⁶, выбираются в основном беспорядочно (любые возможные мишени) или выборочно (представительские или символические мишени) из

населения в целом. Основанная на угрозе и насилии связь между террористом (организацией), жертвами и главными мишенями используется, чтобы управлять главной мишенью (аудиторией), превращать ее в цель террора, требований или внимания, в зависимости от того, что преследуется прежде всего: запугивание, принуждение или пропаганда» (А.П.Шмидт, 1988)⁴⁷. Но и по этому определению существуют разногласия, хотя оно признается «академическим и согласованным».

В российском Уголовном кодексе терроризм определен как: «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения имущественного ущерба или наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях⁴⁸. Этим определением именно силовые структуры имеют право вести против него вооруженную борьбу, а все остальные институты общества отстранены от проблемы антитеррора⁴⁹.

Рассмотрение терроризма как очень эффективной и экономичной версии войны и ее главных принципов дается в той же статье⁵⁰.

Рассмотренные выше дефиниции и их сущностные различия свидетельствуют о незавершенности процесса понимания природы терроризма. Наш обзор подходов к ней показывает их огромный разброс и заново ставит вопрос о ее масштабе и измерениях. Ответ на него позволит определить адекватный масштаб средств борьбы с ним по всему спектру его факторов/параметров. Поэтому уместным будет предложить более емкое, системно-сферное, определение терроризма, которое бы учитывало все его параметры – источники (причины и мотивы), цели, средства (ресурсы, мишени) и субъекты во всех четырех сферах общества: социальной, культурной, политической и экономической⁵¹.

Сферы, в которых совершаются теракты и которые заключают в себе их конечные причины и цели, могут быть детализированы по отраслям⁵², корпорациям, предприятиям и фирмам. Это составляет их качественную, содержательную спецификацию. На нее должна быть наложена пространственно-временная локализация, т.е. сферы и все их возможные спецификации (отрасль, корпорация, предприятие, фирма) должны быть рассмотрены в координатах социального пространства и времени⁵³. Пространственная координата означает локализацию их ресурсных, функциональных и структурных компонентов в различных региональных масштабах: мир, континент, регион, страна, часть страны, город, поселение. Временная координата выражает период исторического времени для того или иного параметра терроризма.

Источники терроризма разделяются на глубинные, фундаментальные причины (бедность, дискриминация, угнетение, насилие, несправедливость и т.п.) и на конкретные, непосредственные мотивы совершения террористического акта. Мотивы вырастают из причин, но не сводятся к ним, не исчерпывают их. Одни и те же причины могут быть источниками разных и повторяющихся терактов. Порождающими причинами терроризма являются наиболее острые противоречия во всех сферах общества. Его причинами могут быть, следовательно, социальные, культурные, политические и экономические причины, как в отдельности, так и в любом сочетании с различным ранжированием их приоритетности. Причины и мотивы разных участников терроризма (исполнителей, организаторов, заказчиков-финансистов, вдохновителей) причудливо переплетаются с региональными и религиозными особенностями, а также с общей социальной ориентацией и морально-психологической атмосферой. В определенных условиях, для участников терроризма, особенно для исполнителей и организаторов, теракты могут превратиться из преступления в источник доходов, тем более, если теракты оцениваются как «священная война». Подобная трансформация легко происходит в «денежно ориентированных обществах» (Карл Беккер, 2002) в условиях а) крайней нищеты и безработицы значительной части населения, б) наличия олигархов или богатых людей, готовых оплачивать заказные террористические акты. Такие условия (причины) терроризма сложились в Чечне, а также в Палестине и Ираке. Денежный приоритет общества является глубочайшим источником терроризма. Этот приоритет пронизывает все причины и мотивы терроризма.

Конечные цели терроризма лежат в одной или нескольких сферах общества в том или ином регионе. Поскольку достижение каждой из этих целей опосредуется политическим, властным ресурсом государства, постольку конечные цели терроризма окрашены по преимуществу в политические (более широко – организационные: правовые, финансовые, управленческие) цвета. Однако, за политическими целями могут следовать или скрываться другие сферные цели: социальные, информационные (идеологические, культурные, конфессиональные) или экономические (материальные, территориальные и т.п.), которые детализируются и конкретизируются террористами в разных региональных и временных масштабах.

Самым простым и очевидным являются средства терроризма – насилие над людьми в виде убийства или угрозы убийства. Однако, ввиду своей жестокости и бесчеловечности, террористическое насилие должно квалифицироваться не просто как «военное преступление», а как «преступление против человечности», попирающее все культурные нормы, отвергающее все достоинства человека, низводящее его до уровня животного или вещи. Средства терроризма – это

его ресурсы и мишени. В нашем определении разделяются первичные ресурсы терроризма, которые охватывают набор всех сферных ресурсов: человеческих, информационных (в том числе идеологических), организационных (в том числе финансовых) и материально-технических (вооружение и снаряжение) и вторичные ресурсы, которые составляют «мишени». Мишени терроризма – это те наиболее ценные ресурсы общества, которые захватываются террористами как средства для достижения каких-то более масштабных целей, выходящих далеко за пределы непосредственных мишеней. Мишени – это ресурс давления террористов в преследовании своих конечных целей. Так как самым ценным социальным ресурсом являются люди, то большинство терактов в качестве мишеней имеют, прежде всего, людей. Особо весомым ресурсом давления являются дети, что продемонстрировал теракт в Беслане. Поэтому в будущем следует ожидать расширения терактов именно против детей. Однако, мишенью теракта может стать и атомная электростанция, и коммуникационные сети, и органы власти, и политические деятели, и отдельные корпорации и т.д.

Субъектами терроризма могут быть индивид, организованная группа, государство. Государство по определению охватывает все сферы общества, поэтому и его террористические цели и его террористические ресурсы черпаются из всех сфер общества. Примерами таких государств были нацистские государства и сталинское государство. Что касается индивидов и организованных групп, то они могут придти к терроризму из любой сферы общества и занятости, из любой его отрасли и использовать соответствующие источники, ресурсы и цели. В рамках организованных террористических групп необходимо различать исполнителей, организаторов, заказчиков и вдохновителей. Современному обществу необходимо знать, какие сферы и отрасли чаще всего генерируют террористические акты и террористов, какие сферные ресурсы чаще всего становятся или превращаются в террористические ресурсы. Главной психологической чертой субъектов терроризма является отсутствие у них антитеррористического иммунитета, т.е. внутреннего, препятствующего терроризму, настроения.

Исходя из предложенных оснований, можно сформулировать следующее, системно-сферное и сетевое, определение терроризма, которое охватывает все его факторы и включает элементы многих других, более частных, его определений.

Терроризм – это преступление против человечности в форме особо жестокого насилия над людьми в виде убийства или угрозы убийства, порождаемое наиболее острыми противоречиями сфер общества и осуществляемое индивидом, организованной группой или государством, лишенных антитеррористического иммунитета, с использованием ресурсов

всех сфер для достижения противозаконных целей в любой сфере, прежде всего в политической, в рамках определенного региона. Это определение охватывает не только современные формы терроризма, но и его исторические виды: нацистские преступления, сталинский террор, «белый» террор и т.п.

Табличное выражение сетевого определения терроризма.

<i>Параметры Сферы общества</i>	ИСТОЧНИКИ	КОН. ЦЕЛИ	СРЕДСТВА	СУБЪЕКТЫ	
	Причины /Мотивы	Сферы/Регионы	Ресурсы /Мишени	Инд	Группа
Социальная					
Информационная					
Организационная (Политическая)					
Техническая (Материальная)					

Эта таблица выражает сетевое определение, или сетевую модель терроризма размером 4x4. Однако, каждая его ячейка может быть дифференцирована до требуемой глубины и тогда его размерность соответствующим образом увеличится. Пределов для увеличения размерности сетевой модели не существует. Она ограничивается лишь конкретными практическими задачами ее функционального использования. Надо отметить ее многофункциональный характер этого определения. С ней могут работать службы безопасности, расследующие теракты, планирующие и проводящие любые превентивные контртеррористические мероприятия, государственные и политические деятели, разрабатывающие стратегии борьбы с терроризмом и его предотвращения, и население для понимания причин терроризма, для участия в борьбе с терроризмом и для оценки контртеррористической деятельности государства и спецслужб. Предложенное сетевое определение терроризма вооружает и население и специалистов инструментом для получения соответствующего системного знания и информации. ООН определила двенадцать средств борьбы с терроризмом, но они все разрознены. Предлагаемое определение терроризма позволяет придать им необходимую системность.

В рамках сетевого определения терроризма могут быть научно определены производные от него термины. «Террористический акт» - конкретное проявление терроризма в определенном месте и времени, проведенное конкретным террористом/ами по отношению к конкретным

террористическим мишеням конкретными военно-техническими средствами. «Террорист» - лицо, организованная группа лиц, организация или государство планирующее и реализующее террористический акт само либо через наемных исполнителей. Наемный исполнитель теракта также является террористом. «Террор» - множество террористических актов, беспорядочных или упорядоченных по любым признакам (места, времени, мишеней, целей, ресурсов и т.п.) и осуществляемых в рамках того или иного пространственно-временного масштаба. По этому признаку можно различать национальный - осуществляемый в одной стране лицами ее национальностей - и международный – осуществляемый в нескольких странах лицами разных национальностей и разных стран – терроризм.

В более широком, философском смысле суть терроризма состоит в дисгармонии, в насильственном диктате части над целым, отдельного человека или группы над обществом. Терроризм – крайнее, агрессивное проявление партикуляризма, дисгармонии части и целого в обществе. Он насильно навязывает обществу какое-то одностороннее, дисгармоничное, уродливое решение, приемлемое только для малой, преступной части общества, но не приемлемое для общества в целом. Терроризм, как и борьба антагонистических классов, стоят в одном ряду насилия, господства и диктата части над целым. Они имеют общую отраслевую природу и различаются лишь масштабами и формами. Дисгармонии частей и целого противостоит гармония противоположностей – это всеобщий механизм природы, общества и человека. Борьба противоположностей есть ее частный аспект и только тех противоположностей, которые не могут или не способны найти необходимые институты гармонизации в тех или иных конкретных условиях.

Из такого, нетрадиционного, определения терроризма вытекает новое, системно-сферное, представление о сети превентивных мер и комплексе инструментов борьбы с ним. Но сначала рассмотрим программу борьбы с терроризмом в России.

Президентская программа: задачи борьбы с терроризмом

Президент В.Путин в своем выступлении⁵⁴ на расширенном заседании правительства 13 сентября 2004, сформулировал программу борьбы с терроризмом в России, которая включает в себя следующие блоки.

Первый. Блок усиления политического ресурса страны, который включает в себя а) переход к выборам в Госдуму только по партийным спискам, б) утверждение глав субъектов Федерации их

законодательными собраниями по представлению президента, в)создание Общественной палаты в качестве института негосударственного контроля за органами исполнительной власти и экспертизы предлагаемых законопроектов, г)воссоздание министерства национальных отношений, д)ужесточение наказания за должностные преступления – речь идет о коррупции, о подкупе гаишников, паспортистов, таможенников, участковых, военных, которые помогают террористам вооружаться, легализоваться и свободно перемещаться по стране.

Наши комментарии. А) В условиях отсутствия в России сильных идеологических партий первая мера вряд ли улучшит качество и дееспособность Госдумы в борьбе с терроризмом, по крайней мере, в обозримом будущем. Б) Утверждение глав субъектов Федерации по представлению президента, конечно, сделает вертикаль власти более управляемой, военизированной и оперативной в борьбе с терроризмом. В) Пока в России не будет сильного гражданского общества, до тех пор в ней не может быть какого-либо сильного общественного института, способного эффективно выполнять контрольные или экспертные функции, а тем более роль некоего «компенсаторного механизма», преодолевающего отсутствие в стране системной оппозиции. Скорее всего, Общественную палату ждет участь «Гражданского форума», с помпой собранного в Кремле 2 года назад и сразу почившего в бозе. Г) Сколько бы раз ни закрывали и не открывали Миннац, характер национальных отношений в стране не изменялся. Д) Коррупция в российском бюрократическом государстве непобедима, сколь бы не ужесточали наказания за нее. Когда найдется системная узда для бюрократизма и бюрократии, тогда появится возможность надеяться на существенное сокращение коррупции. Итак, этот блок борьбы с терроризмом, по сути, является бюрократическим, возможности и эффективность которого весьма ограничены, хотя в отдельных элементах могут быть действенны.

Второй, примыкающий к первому, военный блок. В его рамках предполагается а)создание единой структуры силовых правоохранительных органов, б)значительное увеличение финансирования силовых ведомств, в)создание добровольных гражданских объединений по охране общественного порядка. Это меры необходимые, но насколько они будут эффективны? Смотреть ниже.

Третий блок – социальный. Он свелся к некоторым констатациям и страдает отсутствием конкретных мер. В его рамках отмечается особо слабое социально-экономическое положение северокавказских республик, в которых уровень жизни, образования и доходов во много раз ниже общероссийских, а безработица во много раз выше. Все это создает широкую питательную почву терроризма, но какие-либо пути искоренения этой почвы не определены. Очень важным является

заявление президента о необходимости формирования у населения «антитеррористического иммунитета». Однако, к сожалению, этот, самый эффективный путь предотвращения терроризма, оказался нераскрытым. В.Путин сказал очень верные слова: «Борьба с терроризмом должна стать в полном смысле общенациональным делом, и потому так важно активное участие в ней всех институтов политической системы, всего российского общества». Да, без участия общества борьба с терроризмом не может быть эффективной. Однако, к сожалению, он не ответил на вопрос, *что* может сделать ее общенациональным делом? Правда, он подчеркнул, что «если мы рассчитываем на помощь общества в борьбе с террористами, то люди должны быть уверены, что их мнение будет услышано» через Общественную палату, как «площадку для диалога». Однако, бюрократически создаваемая палата вряд ли станет «площадкой диалога» и действительно «общественного мнения». Но даже если она и станет хоть в какой-то мере таким местом, то все равно народу отводится второстепенная роль, участие населения ограничивается только «мнением», а не активным участием (добровольные дружины не тянут на него) – это самая слабая часть программы. В нашей статье мы предлагаем способ действительно активного, постоянного и наиболее эффективного участия населения в борьбе с террором на его самой первой, исходной ступени – ступени возникновения его семян в душах и сознании детей. Предлагаемая Путиным общественная палата не имеет в населении какой-либо опоры, поэтому она обречена быть неэффективной. Напротив, избирательное право детей, исполняемое родителями создает мощную, широкую, охватывающую до 70-80% населения социальную опору для сети общественных палат во всех субъектах и поселениях России.

Если сравнить президентскую программу с предложенным выше определением природы терроризма, то мы заметим, что программа касается лишь малой части параметров терроризма, что основной акцент она делает на военно-политические, а не на социальные и культурные институты борьбы с терроризмом. Она стимулирует первые, но практически не касается вторых, ограничиваясь общими фразами и заведомо слабыми предложениями. Поэтому такую программу объективно можно квалифицировать скорее как военно-бюрократическую, чем социально-экономическую и культурную. Можно ли рассчитывать на ее эффективность в борьбе с терроризмом?

Неэффективность военных средств борьбы с терроризмом и необходимость новых

Сам В.Путин, после долгих лет «мочения» террористов, так и не добравшись до их главарей, с горечью вынужден был признать: «Борясь с проявлениями террора, мы практически не достигли видимых результатов». А ведь боролись и продолжают бороться только военными средствами. Каков их итог? - серьезных, «видимых результатов» не достигли. Это самокритичная констатация факта неэффективности военных средств борьбы с террором. Эту неэффективность хорошо проиллюстрировал министр финансов А.Л. Кудрин: «С 2000 по 2004 год финансирование ФСБ увеличилось в 3 раза, МВД и погранвойск – в 2 раза». Газета АиФ, в связи с этим фактом поставила иронический вопрос: «Остается понять, как при этом количество терактов увеличилось примерно во столько же раз?»⁵⁵. Если развивать данную логику дальше, то придется сделать вывод: чем больше будут *сокращены* расходы на силовые ведомства, тем больше будет *сокращен* масштаб терроризма. При всей парадоксальности такой вывод не так уж далек от истины: в борьбе с терроризмом усиленно финансировать надо не силовые структуры, а преодоление его социально-экономических и культурных источников. Надо подчеркнуть, что и сам президент, говоря о важности военных мер, подчеркивает: «только этого все равно недостаточно». Ибо военные меры направлены на проявления терроризма, а не на его источники (на верхушки, а не на корешки). А что с его источниками: «Борясь с проявлениями террора, мы практически не достигли видимых результатов ... *прежде всего в ликвидации его источников*» (подч. нами – Л.С.), которые находятся в социальной, культурной и экономической сферах, где формируется «питательная почва для экстремистской пропаганды, для роста очагов террора, для вербовки им новых сторонников». Это значит, что в самых важных, ключевых сферах, где зарождается терроризм, в ликвидации его социально-экономических источников дело у нас обстоит хуже всего. Особенно тягостно положение в социальной сфере (семья, дети, пенсионеры, родители, образование, занятость и т.п.), в которой формируется антитеррористический иммунитет, и в которой (но не только в ней) он, прежде всего, нейтрализуется и разрушается. Терроризм проявляется военным способом, но рождается он в невоенных сферах, прежде всего в социальной. Поэтому «нельзя уголовно-правовыми, карательными мерами устранить *причины, источники терроризма*»⁵⁶. Из этого следует, что до тех пор, пока не будет создан эффективный механизм предупреждения социальных источников терроризма, нам не стоит ожидать ни ограничения его стремительного расползания, ни тем более его искоренения. Поэтому до этих пор, как не чудовищно предсказывать, Беслан повторится, в том или ином варианте, еще много раз.

Военным средствам борьбы с терроризмом, к сожалению, отдается приоритет во всех странах. Поэтому, надо признать, что эти средства неэффективны не только в России: мы видим

это и в США, и в Израиле, где эта борьба идет без видимого успеха искоренения терроризма почти 30 лет, и в других странах. П.Пилар, американский эксперт вынужден констатировать, что «контртеррористическая политика США, которая является самой сильной, не всегда наиболее эффективна»⁵⁷. Он призывает откорректировать эту политику в направлении борьбы с источниками терроризма. Военные средства способны уничтожить лишь внешние проявления терроризма, но не его внутренние причины в обществе. Терроризм растет, несмотря ни на какие военные усилия. Это грозит превратить 21 век в век глобального терроризма, что сделает его более кошмарным и кровавым, чем 20-й век. Это не значит, что военные средства не нужны, что от них надо отказаться. Нет. Мы ни в коей мере не оспариваем их важность и необходимость. Мы оспариваем только ставку на их приоритет, на расходование основных ресурсов, в том числе финансовых, только на них. Как пишет профессор А.И.Юрьев, «все научные расчеты, планы глобальных изменений в нынешней мировой экономике и политике могут сильно измениться, если терроризм будет столь же эффективен, как сто лет назад в России. Тогда силовые структуры проиграли войну с терроризмом: охраняемого ими политического режима не стало. И не только в России»⁵⁸. Это значит, что надо искать новые, эффективные, не военные, а социально-политические и культурно-психологические антитеррористические инструменты, вооружающие и вовлекающие в борьбу с терроризмом все население страны, что позволит предотвратить его источники. Одним из таких инструментов нам представляется избирательное право детей, исполняемое родителями.

Если война с терроризмом оценивается президентом как «общенациональная и общегосударственная задача», ставшая приоритетной для сегодняшней России, если терроризм грозит не только перечеркнуть все социально-экономические и демократические достижения, но и «стремится к тому, чтобы дезинтегрировать страну, стремится к распаду государства, к развалу России», если терроризм – это очень мощный враг, располагающий колоссальными ресурсами и влиянием, то и противостоять ему должны весь народ, все население, а не только силовые структуры, тем более коррумпированные. Как отметил президент, «в эти трагические дни все мы увидели мужество и решимость нашего народа противостоять террору». Да, народ проявил эти качества, но чтобы он не оставался простым статистом на кровавой сцене расплзающегося террора, ему нужны законные возможности и способы эффективного, постоянного, а не стихийного, противостояния террору. Одним из них является избирательное право детей, исполняемое родителями. Именно этот институт создает у населения и власти антитеррористический иммунитет, которого они сейчас лишены. Отсутствие его – самая

питательная почва для стремительного расползания террористической чумы в новом веке. Поэтому, особенно важным в президентской программе борьбы с терроризмом считаем создание антитеррористического иммунитета. В нашей статье мы пытаемся развить эту идею и показать, какой социальный институт может обеспечить его постоянное расширенное воспроизводство.

Определение антитеррористического (антидевиантного) иммунитета

Понятие антитеррористического (более широко – антидевиантного) иммунитета является сложным и многомерным социо-культурным и политико-психологическим понятием. Оно включает гуманистическое, культурное, политическое и экономическое измерения, требует междисциплинарного и сетевого подхода. Этот сетевой, системно-сферный подход был проявлен в определении природы терроризма. По аналогии с ним определим антитеррористический иммунитет. (Подчеркнем, что антитеррористический иммунитет является частью антидевиантного и его механизм может быть расширен на все другие социальные девиации: преступность, коррупцию, наркотизм, алкоголизм, проституцию, самоубийства и т.п.⁵⁹ Поэтому в дальнейшем мы будем говорить об антитеррористическом иммунитете, но мы никогда не забываем, что он является лишь частью, пусть наиболее актуальной, антидевиантного иммунитета. Мы не упускаем из поля нашего зрения тесную связь терроризма со многими другими девиациями: преступностью, коррупцией, наркотизмом, самоубийством).

Антитеррористический иммунитет – это устойчивый социально-психологический, духовный настрой людей, населения и власти (всех ее представителей), исключающий возможность какого-либо их участия в терроризме или пособничества ему, формируемый в социальной сфере с детства новой культурой отношений и взаимной ответственности поколений, прежде всего в семье. Эта культура воспроизводит в настроении людей такие ценности и социальный капитал человека, которые предотвращают терроризм, служат лучшим, наиболее эффективным, заслоном его причинам во всех сферах общества, выступают наиболее действенной, внутренней, формой антитеррористического социального контроля.

Мы не претендуем на завершенность и окончательность данного определения. Мы подчеркиваем в нем лишь культурное происхождение этого иммунитета, его формирование с детства в системе новой взаимной ответственности поколений и его универсальный характер, противостоящий причинам терроризма во всех сферах. Чтобы понять зависимость этого иммунитета от избирательного права детей, исполняемого родителями, кратко очертим масштаб

его основных социальных достоинств. Напомним, что система его 42 позитивных следствий, охватывающих все сферы общества, представлена в нашей книге⁶⁰, а здесь мы ограничимся ключевыми из них.

Позитивный масштаб избирательного права детей, исполняемого родителями

Во-первых, наверно самое важное достоинство избирательного права детей, исполняемого родителями, заключается в том, что оно создает качественно новую, четко ориентированную на приоритет интересов детей, политическую (избирательную) мотивацию большей части электората, прежде всего родителей и молодежи. Приоритет детей есть одновременно приоритет родителей, особенно матерей, несущих основное бремя забот о детях. Современная избирательная мотивация размыта между множеством очень близких программ политических партий и кандидатов. Эти программы стали настолько похожими и невыразительными, что люди голосуют не за них, не по разуму, а по эмоциональным предпочтениям. Размытая политическая мотивация дает размытые итоги голосования со всеми вытекающими слабостями и пороками современной демократической власти. Исходный вопрос – за что голосовать, за чьи интересы – тонет среди множества второстепенных мотивов избирателей и сводится к удручающему и отталкивающему выбору между двух зол: большим и меньшим. В мотивационном хаосе можно голосовать за все что угодно только не за самое важное для людей и общества. В избирательном мотивационном поле отсутствует жизненно приоритетный и общий для всех центр, который бы объединял избирателей, а также ориентировал бы и их, и политических конкурентов (партии и кандидатов) на него. Отсутствие такого мотивационного центра раскалывает избирателей (народ!) по личностным и политическим предпочтениям на противоположные, часто враждебные и даже антагонистические лагеря, как это случилось на Украине, в Абхазии и ряде других стран. От этого недалеко ушли и США на президентских выборах 2004 года, на которых, по словам самих американцев, процветало «высокотехнологичное мошенничество» при подсчете голосов, расколовшее избирателей. Мотивационный хаос и отсутствие общезначимого для электората и политических игроков избирательного стержня резко снижает качество выборов, выборных органов и фигур, т.е. качество всей политической власти, всей демократии и тем самым дискредитирует ее. Поэтому престиж выборов в глазах населения неуклонно, за редчайшими исключениями, падает, оно перестает ходить на них, а число голосующих «против всех» нередко лидирует. Действующая избирательная система разрушается, лишает население притягательных мотивов голосования.

Кардинальная роль избирательного права детей, исполняемого родителями, заключается именно в том, что оно создает простой, притягательный и жизненно важный для населения общий мотивационный центр приоритета интересов детей и интересов всех тех, кто с детьми связан: родителей, педагогов, врачей, бабушек, дедушек и т.д. Вместе с этим мотивом оно создает качественно новую избирательную систему демократии, с новой стратегической целью, с четким механизмом ежегодного отзыва нерадивых партий и депутатов (по неудовлетворительным итогам работы за год), с принципиально иным, позитивно заинтересованным, политическим поведением электората. Она ставит избирателя в ситуацию приоритета интересов детей и выбора лучших партий и кандидатов именно для этого жизненно важного приоритета, а не для какого-либо другого, что, несомненно, максимально активизирует население. В ней выбор из многих зол заменяется выбором из спектра хороших и отличных представителей интересов детей, а значит и общества в целом. Подобная избирательная система модернизирует и гуманизирует гражданское общество и правовое государство. Она объединяет их интересы, выступает связующим механизмом. Избирательное право детей, исполняемое родителями, становится институтом и гражданского общества, консолидируя избирателей, и правового государства, обеспечивая новое качество законодательной (парламентской) власти. Оно обеспечивает парламентское большинство интересам детей и связанным с ними групп населения, поэтому оно ориентирует парламенты на приоритетное бюджетное финансирование сферы детей⁶¹ а вместе с ней и всей социальной сферы. Если сейчас лишь 7% населения считают, что бюджет отражает его интересы, а около 70% уверены в обратном⁶², то приоритетное бюджетное финансирование сферы детей, создаваемое избирательным правом детей, исполняемом родителями, перевернет эту ситуацию с отношением населения к бюджету.

Консолидированный выбор родителей и всех социальных групп, ориентированных на интересы детей, составляющих значительное большинство населения, обеспечит новое качество власти и депутатского корпуса. Конкуренция за голоса этой электоральной группы будет способствовать формированию наиболее осмысленной и эффективной социальной политики, без которой, в свою очередь, невозможно решение тех проблем, которые вызывают в обществе излишние напряженности, способствуя различным девиациям.

Ради справедливости, надо подчеркнуть, что избирательное право детей, исполняемое родителями, действует не как жестко однозначная необходимость, а как мягкая многовариантная *возможность*: а) консолидации большинства электората в интересах детей, б) формирования соответствующего парламентского большинства, в) ориентации госбюджета на приоритетное

финансирование сферы детей. Превращение этих возможностей в реальность зависит от сознательности, активности и сплоченности как избирателей, родителей прежде всего, так и парламентариев. Таково главное достоинство избирательного права детей, исполняемого родителями, которое определяет другие его многочисленные достоинства, измерения и качества.

Во-вторых, избирательное право детей, исполняемое родителями, так или иначе, касается практически всего населения, всего электората, как связанного с малолетними детьми родственными узами, так и не связанного с ними. Среди второй части надо выделять молодежь, еще не имеющую детей, но желающую их иметь, и бездетных по тем или иным причинам. Приоритет интересов детей в мотивационном избирательном поле не противоречит интересам ни одной социальной группы, даже интересам бездетных и пожилых людей, так как из детей вырастает тот человеческий ресурс, который необходим всем, в том числе бездетным и пожилым. Поэтому избирательное право детей, исполняемое родителями, является универсальным и жизненно важным для всех групп населения каждой страны. От проблемы детей и качества их социализации не может устраниться ни одна страна. Качество детей определяет качество человеческого капитала, следовательно, качество всей общественной жизни для каждого человека.

В-третьих, избирательное право детей, исполняемое родителями, глобально, как глобальны дети и их проблемы. Поэтому его нельзя ограничивать национальными рамками одной страны, или какой-то группы стран: богатых, бедных, беднейших, или какими-то важными, но частными аспектами отношений поколений, семьи и государства, избирательной системы и электората и т.п. Идея избирательного права детей настойчиво ставится в глобальную повестку, с одной стороны, «нищетою, дискриминацией и безразличием общества к детям» во всем мире, а с другой – потребностью, «построить мир, достойный детей», что заявила Специальная Сессия ООН по вопросам детства 2002 года, проведенная по инициативе ЮНИСЕФ⁶³. Эти задачи глобальны. Избирательное право детей, которое предлагает свой механизм их решения, также глобально, что не исключает, а предполагает его внедрение и опробование сначала в каких-то отдельных странах. Его достоинство заключается в том, что оно предлагает глобальный и эффективный механизм для решения проблем детства в мире, от которых зависит решение, в конечном счете, в долгосрочной перспективе, всех других проблем.

В-четвертых, избирательное право детей, исполняемое родителями, создаваемая им новая избирательная система смещают фокус политики государств с экономической, политической (в том числе военной и финансовой) на социальную сферу. Этот механизм обеспечивает приоритетное бюджетное финансирование сферы детей, следовательно, и всей социальной сферы.

Поэтому от него выиграют не только молодые, но и пожилые, пенсионеры в том числе. Он не противопоставляет, а сплачивает поколения, решает проблемы детей не за счет урезания бюджетных пособий пожилых, а за счет перераспределения расходов государства на оборону, госаппарат, экономику, безопасность, борьбу с преступностью и наркотиками и т.п. Приоритетные бюджетные инвестиции в детей значительно сократят масштаб преступности, наркотизма и других социальных девиаций, что значительно сократит расходы государства на борьбу с ними и на безопасность. Этот механизм обеспечивает социально ориентированный госбюджет, которого, например, никогда не было в России. Даже сейчас при переполненном, профицитном бюджете страны его мизерные социальные расходы урезаются, причем, прежде всего на детей. Позорно низкое ежемесячное пособие на ребенка в 70 рублей как было в прошлых бюджетах, так и осталось в бюджете на 2005 год, в то время как государство не знает, куда девать миллиарды нефтедолларов! Все страны грешат этим в большей или меньшей мере: расходы на детей, как и другие социальные расходы, во всех бюджетах практически остаточны. Противостоять этой порочной практике может только предлагаемый механизм избирательного права детей.

В-пятых, приоритетное бюджетное финансирование сферы детей, обеспечиваемое названным механизмом, создает в политике новый стратегический всесрочный приоритет развития человеческого (и социального) капитала и его качества. Этот приоритет, несомненно, будет содействовать установлению в мире порядка социальной гармонии внутри стран и между ними, укреплению новой культуры мира, которая исключит социальную почву войн, терроризма и насилия. «Денежную ориентацию западных обществ» (money-oriented Western societies)⁶⁴ как высшую самоцель современной цивилизации, являющуюся глубочайшей и неустранимой другими способами причиной всех войн и террора, оно заменяет ориентацией обществ, в том числе и денег, на детей, следовательно, на социальную гармонию. Приоритет детей, имеющий колоссальное социальное и нравственное значение, огромную культурную ценность, - это мощная позитивная альтернатива приоритету денег. Ориентация госбюджетных расходов на приоритет детей вытеснит приоритет расходов на войны, вооружения и насилие, что сделает новый мировой порядок гармоничным. Мировой порядок, построенный на приоритете не денег, а детей, будет не только гармоничным, но и безопасным, гуманистичным и справедливым.

В-шестых, избирательное право детей, исполняемое родителями, является культурной ценностью. Известно, что отношение человека и общества является первичным и наиболее фундаментальным отношением в культуре⁶⁵. Избирательное право детей, исполняемое родителями, является таким культурным и правовым институтом, которое ориентирует общество

на приоритет детства как источник и начало каждого человека. Поэтому оно выступает той культурной ценностью, которая перестраивает и гражданское общество и правовое государство так, что для них «интересы детства становятся приоритетными»⁶⁶. Это качественно меняет их. Ориентация общества на приоритет интересов детей, заменяющая его денежную ориентацию, станет стержнем новой культуры мира. Тот порядок, который ориентирован на деньги как высшее благо, оказывается порядком войн, заказных убийств, терроризма и смерти. Это саморазрушающийся порядок социальной дисгармонии. Противостоят ему может только новая культура мира, исключая войны и терроризм, создающая новый порядок социальной гармонии, созданный на приоритете детей, родителей и особенно матерей. Они обладают огромной миролюбивой энергией и мощным потенциалом гармонии, которые не востребованы до сих пор и раскрываются только институтом избирательного права детей, исполняемого родителями. Ориентация общества на приоритет детей находит опору во всех религиях, составляющих одну из важнейших основ культуры. Христианство, например, считает, что душа ребенка, в отличие от души взрослого, чиста и непорочна. Она служит нравственным эталоном для души взрослого: «если не станете, как дети, не войдете в Царствие Небесное». Поэтому приоритет детей в обществе, устанавливаемый избирательным правом детей, исполняемым родителями, приемлем христианству и другим религиям, отвечает их духу и составляет очень важную универсальную культурную ценность человечества.

Таковы основные достоинства избирательного права детей, исполняемого родителями, таковы его масштаб и измерения. Конечно, оно, как и любое право и закон, как всякое социальное достижение, имеет свои недостатки и ограниченности (идеальных законов нет), подвержен злоупотреблениям, искажениям и т.п. Но они настолько мизерны по сравнению с его позитивным масштабом и так сравнительно просто преодолимы во всех случаях (см. ниже), что не могут поставить под вопрос его социальную целесообразность и необходимость. Чаша весов явно склоняется в его пользу. Население любой страны, если до его сознания довести глубокий социальный смысл избирательного права детей, исполняемого родителями, в большинстве своем, несомненно, поддержит его. Мало кто будет возражать против приоритетного бюджетного финансирования сферы детей. Но для этого необходимо соответствующее просвещение населения и система социологических исследований его отношения к этому праву⁶⁷.

Теперь представим краткий обзор истории и вариантов идеи избирательного права детей.

Краткая история идеи избирательного права детей

Попытка общей концепции избирательного права детей, его социальной необходимости и множества его позитивных следствий, предпринята в нашей книге 2004г⁶⁸. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми его историческими деталями, кратким сравнением двух его вариантов.

Мы поддерживаем и развиваем следующий вариант его понимания: *Избирательное право детей означает, что дети до 18 лет получают по Закону ПРАВО избирательного голоса, вносятся в избирательные списки, а ИСПОЛНЕНИЕ этого права (голосование) возлагается на их родителей или законных опекунов.* (Нисколько не умаляя опекунов, в дальнейшем мы будем говорить о родителях. Определение не касается числа детей, за которых голосуют родители, а также распределения между ними этой функции, что регулируется соответствующим национальным законом, специфическим для каждой страны и культуры образом. Проект такого закона для России представлен в нашей книге 2004 г.). Этот вариант называется «избирательное право детей, исполняемое родителями». Другой вариант: «избирательное право детей, исполняемое самими детьми» (см. ниже).

История избирательного права экстенсивна: сначала его получили богатые взрослые мужчины, потом все взрослые мужчины с 25 лет, потом женщины и представители других рас, потом молодежь с 18 лет, хотя в разных странах возраст совершеннолетия может быть разным. Современное избирательное право осталось нам в наследство от уходящего индустриального общества и на протяжении более двух веков постепенно освобождалось от многочисленных цензов этого общества – расовых, имущественных, гендерных и т.п. Сохранился непреодоленным последний – возрастной – ценз, создающий «черную дыру» избирательного права, в которой находятся дети до 18 лет, составляющие в среднем примерно четверть населения. «Черная дыра» избирательного права порождает «черную дыру» политики и государства. Поэтому по отношению к детям сохраняется вопиющая политическая несправедливость и дискриминация. Становясь гражданином страны с момента рождения, ребенок становится избирателем только через 18 лет, как будто эти годы дети ничем общественно полезным не заняты, живут вне общества, не являются его членами, не имеют проблем и потребностей, которые требуют постоянного политического представительства и выражения.

Дискриминация детей и соответствующая «прореха» в избирательном праве и политической системе начали осознаваться примерно век назад. Идея избирательного права детей и политического представительства их интересов в разных формах носится в воздухе почти сто лет! Впервые ее высказал еще в 1905 году великий русский ученый Д.И.Менделеев, правда, в

косвенной форме введения «детского ценза» для депутатов Госдумы, т.е. наличия у них не менее 3-4 детей⁶⁹. Великий польский педагог и писатель Януш Корчак, говоря о желании родителей, «чтобы дети были и жили лучше нас» и в то же время характеризуя положение детей как «закрепощенного класса», «не избирателя», впервые определил равную гражданскую ценность ребенка и взрослого: «главная мысль: ребенок равный нам – ценный - человек»⁷⁰.

Но наиболее активно идея избирательного права ребенка стала выдвигаться в разных странах лишь последние 15-20 лет, причем сначала в форме прямого участия детей в выборах. Впервые, насколько нам известно, данный вариант этой идеи был сформулирован в 1991 году в статье «Дайте детям голос» американки Виты Уоллис⁷¹. Она доказывает, что все граждане, включая детей, должны иметь возможность голосовать без возрастного ограничения. Она аргументирует эту идею аналогиями в женском и черном избирательном праве, а также демографическими и статистическими данными. Для пропаганды этой идеи в США были образованы «Ассоциация за избирательное право детей»⁷² и «Американцы за общество, свободное от возрастных ограничений»⁷³, а в Германии - молодежная группа «К.Р.Д.Т.З.Д.»⁷⁴. Эти организации исходят из принципа «один человек – один голос», из гражданства детей и необходимости снять конституционные ограничения на участие детей в выборах.

Эти организации многого достигли в деле пропаганды избирательного права детей. Немецкая группа даже довела этот вопрос до обсуждения в Бундестаге, но перелома общественного мнения в свою пользу они так и не добились. Тому есть две причины: голосование самих детей любого возраста и отношение поколений. Когда эти организации на вопрос, с какого возраста дети могут принимать участие в голосовании, отвечают «с любого», хоть с двух лет – это не может не шокировать, и не оттолкнуть от этой идеи. Кого же может выбрать двухлетний ребенок? Какого родителя может радовать участие двухлетнего ребенка в выборах? Это риторические вопросы, подразумевающие непреодолимые противоречия. Все-таки необходимо признать естественное возрастное ограничение для голосования. Другое дело, каким возрастом? – 16-ю или 14-ю или 12-ю годами? Тут есть предмет для дискуссий. Этот вопрос будет решаться исторически и культурно, т.е. в соответствии с нормами каждой национальной культуры. Он уже сейчас ставится и обсуждается в парламентах разных стран: США, Германии, России и других. Но требовать отказа от любых возрастных ограничений – значит погубить замечательную идею на корню. Другой недостаток данного варианта заключается в противопоставлении отцов и детей, в разрыве поколений: дети голосуют сами по себе, независимо от степени понимания политической ситуации, независимо от родителей и вопреки им. Такой радикализм - отменить избирательный

ценз вообще и сразу - вряд ли найдет поддержку здравомыслящих родителей. Этот вариант избирательного права детей станет еще одной пропастью между поколениями. Думаем, что в таком варианте оно не будет принято никогда.

Другая модель избирательного права детей, а именно такого, которое исполняется не самими детьми, а родителями, рассматривается в ряде статей С.Рингена⁷⁵, П.Париджа⁷⁶ и других. На Западе она имеет много синонимичных названий: «семейное голосование», «универсальное избирательное право», ‘children's voting right, vicariously exercised’ (в аббревиатуре: *ChiVi*⁷⁷), т.е. «избирательное право детей, опосредованно исполняемое родителями» и другие. ***Наша аббревиатура этого понятия – ИндИр.*** Остановимся на последней по времени статье немецкого социолога из Бремена, профессора Карла Хинрикса под интригующим названием «Пожилые эксплуатируют молодых? Если это так, то не является ли наделение детей избирательным правом хорошей идеей?». Прежде всего, автор рассматривает этот вопрос в рамках благосостояния поколений, подчеркивая вслед за многими исследователями, что уровень детской бедности превышает уровень бедности пожилых людей почти во всех странах Запада и эта тенденция усиливается. Кроме того, ожидается, что молодое поколение в будущем будет получать все меньше от государства всеобщего благоденствия, чем старшее поколение. Это неравенство между возрастными группами и межпоколенная несправедливость, в большой степени, является результатом увеличения числа пожилых избирателей электората, на требования которого отвечают политические партии и правительства. В подтверждение этой зависимости Хинрикс приводит слова М.Вебера, «решающим аргументом всех современных политических партий является избирательный бюллетень»⁷⁸, который все чаще оказывается в руках пожилых. Предоставление права голоса детям с рождения, которое осуществляется родителями, является, с точки зрения Хинрикса, одним, неоднократно предлагавшимся методом усиления просемейной политики и преодоления геронтократической угрозы. Он приводит слова Гуннара Мурдала, который еще в 1940 году объяснял противоположные тенденции бедности детей и пожилых тем, что «пожилые имеют избирательный голос, а дети не имеют». С точки зрения Хинрикса, старение избирателей становится препятствием для улучшения благосостояния детей: оно увеличивает межпоколенную несправедливость в перераспределении налогов в пользу пожилых. Автор подчеркивает, что через 20-30 лет в Германии пожилые избиратели (с 55 лет) получат абсолютное большинство (свыше 50%), с которым связываются опасности геронтократии, консерватизма и краткосрочности политической стратегии, в то время как ориентация на интересы детей создает долгосрочную и инновационную политическую стратегию. В рамках контекста современной Германии он

исследует множество аргументов не только "за", но и "против" избирательного права детей, исполняемого родителями⁷⁹. Аргументы «против» рассмотрены ниже.

В России развивается именно та модель избирательного права детей, в которой этим правом *наделяются и обладают* дети, а *исполняется* оно их родителями (см. определение выше). Данная парадигма избирательного права детей (ИпдИр) наиболее эффективна во всех аспектах (см. ниже), хотя и она сталкивается с рядом серьезных проблем. Первое публичное выражение этой идеи в России относится к 2000 году. Тогда она рассматривалась как один из принципиальных элементов будущей «сферной демократии». В ней *«право голоса получают все дети, которое реализуется родителями до совершеннолетия детей»*⁸⁰. Второе публичное выражение эта модель нашла в обстоятельной статье А.В.Баранова в связи с проблемой депопуляции России. Он писал: *«Возможно ли увеличение рождаемости? – Думаю, да... Чтобы возможность стала реальностью нужно сместить фокус социальной политики с пожилых на молодых... Нужно поставить родителей с несовершеннолетними детьми в привилегированное положение, которым они могли бы воспользоваться для защиты своих интересов. Словом, это должна быть политическая привилегия. Решение задачи – в предоставлении детям с рождения права избирать политическую власть всех уровней. Разумеется, детским бюллетенем, до достижения ребенком 18 лет, будут голосовать родители»*⁸¹. Но мы не стали бы так заострять противопоставление молодых и пожилых, ибо оно восстанавливает последних против этой идеи и вбивает еще один клин между поколениями. Такова в общих чертах история идеи избирательного права детей, число противников которой пока не меньше, чем число ее сторонников.

Критика аргументов противников избирательного права детей, исполняемого родителями

Наиболее полно аргументы «против» избирательного права детей, исполняемого родителями (ИпдИр), представлены в упомянутой статье Хинрикса. Они сводятся к следующим утверждениям.

1. «Не существует аргументов», которые могли бы на логическом основании защитить ИпдИр, вместо него приоритетным будет понижение возраста голосования вплоть до 14 лет (Гуррельман, 1997).
2. ИпдИр нарушает равенство граждан перед законом, принцип избирательного равенства «один человек, один голос» и политическое равенство (аргумент М.Вебера).

3. ИпдИр существенно изменяет возрастное распределение электората в пользу родителей и ущемляет интересы бездетных, число которых в Германии постоянно растет и достигает 40% среди женщин с 1965 года рождения, которые уже никогда не станут родителями.
4. Родители не способны политически адекватно выразить интересы детей, т.к. родители голосуют в соответствии со своими политическими предпочтениями, которые далеко не всегда отвечают интересам детей.
5. Предпочтительна возрастная нейтральность политических партий.
6. Голосование подобно бракосочетанию, поэтому оно может осуществляться только «по собственному усмотрению».
7. ИпдИр «утопично» и нигде не занимает высокого места в современной политической повестке. Рассмотрим эти аргументы и выводы более детально.

1. Когда логика ИпдИр ограничивается узкими рамками оппозиции старшего и младшего поколений, кругом разных тенденций их благосостояния и гипотезы «эксплуатации» одного поколения другим, то в ней, действительно, трудно найти логические аргументы в защиту этой идеи. Сразу подчеркнем, что ИпдИр не исключает, а стимулирует снижение избирательного порога до определенного возраста. Даже если он будет снижен до 14 лет, то, что делать с интересами детей до 14 лет? С их политическим выражением и представительством? Тут надо либо отказать им в существовании и выражении, либо выйти на универсальную методологическую платформу, которая не только уравнивает интересы детей и взрослых, но и признает детей социально приоритетной группой общества. Это проблема социальной философии и диалектики или идеологии, если угодно. В нашем подходе она решается на основе тетрасоциологии, в которой дети равны всем другим людям с точки зрения воспроизводства себя⁸². Все люди ежедневно и ежеминутно, чтобы они не делали, воспроизводят себя, хотя каждый по-своему. Это самое фундаментальное, социальное, равенство всех людей, которое можно назвать естественным, независимым от воли и сознания людей, и которое открывается тетрасоциологией. Дети по занятости собой ничем не отличаются от взрослых. (Поэтому Я.Корчак считал детей равными взрослым по ценности.) Они не только и не просто граждане с рождения, что признают все Конституции мира, но они с рождения включены в процесс воспроизводства себя, как и все люди, что и делает их равными гражданами с рождения. И как равные участники производственного процесса, и как граждане они имеют равные права во всем, в том числе в политическом выборе. Но

дети обладают одним преимуществом перед взрослыми: только из детей общество пополняет свой человеческий ресурс, качество которого определяется качеством социализации в детском возрасте, поэтому интересы детей приоритетны для общества, а интересы детства приоритетны в жизни каждого человека. Поскольку дети до определенного возраста не могут по собственному усмотрению сделать политический выбор, а их интересы приоритетны, то этот выбор *должны* сделать их родители, так как только они лучше других могут понять и выразить интересы детей, несмотря на свои некоторые неизбежные ошибки в этом вопросе. Если признать правоту этих посылок (а ее трудно не признать), то их логика будет необходимым и достаточным универсальным аргументом в защиту ИпдИр. Следовательно, тезис о том, что «не существует» логических аргументов в его защиту, оказывается неверным, он не выдерживает критики. Как видим, такие аргументы существуют. Они происходят из других измерений и масштабов ИпдИр.

2. Существуют четыре типа социальных равенств и неравенств соответственно четырем сферам общества: социальные, культурные, политические и экономические (или материальные). Последние два века политическое (или формальное, в том числе юридическое) равенство служило средством углубления всех других неравенств и привело в итоге к разделению мира на «золотой» миллиард и «нищий остаток» пяти миллиардов, а золотой миллиард поделило на относительно нищих детей и богатых пожилых и т.п. Поэтому формальное, особенно избирательное равенство «один человек, один голос», мы считаем позорным, так же как, например, позорной, является единая ставка подоходного налога в России: и для нищего учителя, и для олигарха - 13% с дохода. Поэтому далеко не всякое равенство полезно и морально. Но олигархи и этого не платят. Теперь твердо установлено, что «жить по закону никого из олигархов не заставишь»⁸³. Значит, демократия не обеспечивает равенства перед законом. Приоритет формального (юридического и политического) равенства, как показала историческая диалектика индустриального общества 19 и 20 века, порождает, стимулирует и укрепляет Неравенства. Приоритет же социального равенства людей, т.е. равенства в воспроизводстве себя, служит развитию и укреплению всех других равенств, а также тех неравенств и в той мере, в какой они обеспечивают приоритетное (социальное) равенство. М.Вебер видел в принципе «один человек, один голос», в равенстве всех перед законом политическое и гражданское единство нации, противостоящее расколам частной жизни, ее различиям и неравенствам⁸⁴. Однако, формальное равенство не препятствовало, а содействовало им, что мы наблюдаем до сих пор. Формальное равенство не самоцель. Там где оно противоречит социальному равенству, там оно может и должно быть ограничено. Интересы малолетних детей, которые не способны на политический выбор, являются приоритетными,

поэтому их родителей надо наделить дополнительными избирательными голосами детей во имя фактического социального равенства детей и ограничить в этой части формальное равенство взрослых. Здесь вопрос упирается в мировоззрение, в понимание и выбор приоритетов. С точки зрения традиционного мировоззрения и краткосрочных политических приоритетов ИпдИр излишне, противоречит им, а с точки зрения социального равенства, долгосрочной стратегии и приоритета интересов детей – оно необходимо и требует ограничения формального равенства. Это вопрос о том, готово ли общество пожертвовать частичным ограничением своего формального равенства ради своих детей, ради фактического равенства и качества социализации своего младшего поколения. От частичного ограничения формального равенства демократия не пострадает, а только выиграет, станет действительно социальной и полной, представляющей интересы всех групп населения, в том числе детей, составляющих примерно его четверть. Известно немало демократических структур, где формальное равенство ограничено. Принцип «один человек – один голос» не является универсальным и фундаментальным для демократии. Есть демократические институты, например, голосование акционеров, когда этот принцип нарушается. Он историчен и преходящ, соответствует демократии индустриального общества, но вряд ли адекватен демократии информационного общества. Недаром в наши дни слышится его настойчивая критика. Например, в январе 2004, бельгийский кардинал Густаф Джос (Gustaaf Joos) высмеял в интервью австралийской газете этот принцип. «Я нахожу странным, что сопливый 18 летний юнец имеет такой же голос как отец семерых детей. Первый не имеет никакой ответственности вообще, а другой обеспечивает завтрашних граждан», сказал он⁸⁵. Демократия не пострадает, а наоборот выиграет, если родители будут голосовать за своих детей, используя их избирательные бюллетени. Поэтому обвинение ИпдИр в нарушении избирательного равенства (один человек, один голос) и равенства перед этим законом нельзя признать достаточным и существенным аргументом против него, ибо оно укрепляет, расширяет и углубляет демократию, придает ей новое социальное качество. Масштаб достоинств ИпдИр многократно превышает частичное ограничение формального равенства. Что касается объединительной политической силы формального равенства и ИпдИр, о которой говорил М.Вебер, то сила второго намного превосходит силу первого, так как объединяет каждый народ не по формальному основанию избирательного равенства, а вокруг самой ценной для него социальной группы детей. Кроме того, ИпдИр не отменяет, а лишь частично ограничивает формальное равенство и дополняет его. Формальное равенство никогда не спасало народы от расколов, внутренних противостояний и гражданских войн, напротив, нередко провоцировало их, а ИпдИр – спасает, потому что оно

противопоставляет им судьбу детей. М.Вебер, к сожалению, в плену своей политической логики, не увидел объединительной политической мощи семьи и семейного голосования. Поэтому и данный аргумент против ИпдИр не выдерживает критики.

3. Да, ИпдИр существенно изменяет возрастное распределение электората в пользу родителей, давая им вместе с голосами их детей до 50 % голосов электората (в ряде многодетных стран – до 60%). Но увеличение электорального потенциала родителей обеспечивается не из воздуха, богатства, образования, происхождения или других источников, а только за счет других граждан, которые по возрасту не способны к самостоятельному политическому выбору и потому не могут голосовать сами. Родители имеют все социальные основания, а потому, вне всякого сомнения (мы имеем в виду нормальных родителей, которые любят своих детей и заботятся о них) достойны расширения своих электоральных прав за счет голосов своих несовершеннолетних детей. Родители несут дополнительный груз забот и ответственности за своих детей, составляющих источник человеческого ресурса общества, которое поэтому может и должно наделить их соответствующими дополнительными правами и преференциями. Никакого вреда обществу нет от расширения электорального веса родителей за счет голосов детей. От него есть только польза всем: детям, родителям, государству, обществу (см. ниже). Оно также не может ущемить интересы бездетных, право голоса которых оно не отменяет. Да, ИпдИр ставит в неравное избирательное положение родителей и бездетных, но оно обосновано и служит интересам всех людей, в том числе бездетных, потому что только родители обеспечивают их новым человеческим ресурсом, который они не могут или не хотят воспроизводить. Поэтому разумные бездетные благодарны родителям, воспроизводящим для них новый человеческий ресурс и не будут возражать против ИпдИр, которое отвечает и их интересам. Таким образом, и данный аргумент не выдерживает критики.

4. Аргумент о неадекватности политических предпочтений родителей и детей является самым сильным аргументом против ИпдИр, но он бездоказателен и голословен. Хинрикс не упоминает ни одного эмпирического исследования в его пользу. Это чисто логический аргумент, исходящий из современной рутинной практики, когда родители поставлены в ситуацию любого выбора, только не интересов детей. Да, при современной избирательной системе родители не голосуют и не могут голосовать в интересах детей. Размытая политическая мотивация дает размытые итоги голосования со всеми вытекающими слабостями и пороками современной демократии. Как говорилось выше, главное достоинства ИпдИр состоит в том, что оно создает качественно новую и четко ориентированную на приоритет интересов детей политическую

(избирательную) мотивацию, по крайней мере, родителей, для значительной части бездетной молодежи, мечтающей о детях, а также для бабушек и дедушек, имеющих малолетних внуков (для 50-80% электората). Поэтому ИпдИр создает качественно новую избирательную систему демократии с принципиально иным политическим поведением электората, поставленным в ситуацию приоритета интересов детей и выбора лучших кандидатов именно для этого приоритета, а не какого-либо другого. В такой избирательной системе разброс выбора ограничен рамками «хороший – лучший» кандидат. Кто-то из кандидатов кому-то из избирателей может показаться «лучшим», а кому-то только «хорошим». (Аналогично относительно партий.) Разброс выбора кандидатов/партий по этим критериям будет означать, что родители всегда будут голосовать и сами, и за своих детей в интересах детей. Различие их выбора не выйдет за границы «хороший - лучший» кандидат/партия. Это естественные, нормальные статистические рамки для такой избирательной системы. Если родители поймут, а тут большого ума не требуется, что она дает им шанс существенно улучшить положение своих детей, а вместе с ними и свое, что с их выбора начинается приоритетное бюджетное инвестирование сферы детей, т.е. всего комплекса отраслей и институтов их социализации, тогда они всегда будут голосовать в соответствии с интересами детей. Эта система исключает возможность голосования не в соответствии с интересами детей. Она будет исправлять нерадивых родителей, станет стимулом развития их культуры политического поведения, четко изменит их предпочтения в пользу интересов детей. В ней исчезнет абсентизм современных молодых родителей: их новая политическая мотивация и расширенная ответственность заставит их самым активным и консолидированным образом участвовать во всех избирательных кампаниях. Она заставит родителей думать не только о своих, но и о чужих и дальних детях, заставит их объединяться для наиболее эффективного выбора и удовлетворения интересов своих детей совместными усилиями. Таким образом, и данный аргумент против ИпдИр не выдерживает критики.

5. Последние три аргумента против ИпдИр также абстрактны и бездоказательны. Никто не доказал, что предпочтительны политические партии нейтральные к возрасту. Если они типичны сейчас, то это еще не доказывает их предпочтительность в будущем. И о какой предпочтительности речь, в чьих интересах, для кого? Если высшему классу сейчас предпочтителен status quo, то является ли оно предпочтительным для общества в целом, для его будущего перед лицом новых вызовов и угроз? Эти вопросы заставляют усомниться в современной предпочтительности, по крайней мере, в ее сохранении в будущем. Обострение различных кризисов и необходимость нового качества человеческого ресурса требуют выдвинуть на первый

план интересы семьи и детей, а для их выражения должны появиться соответствующие политические партии. Они уже появляются на основе идеологии, провозглашающей приоритет ценностей семьи, детей, молодежи⁸⁶. Известно также существование партий пенсионеров и в России, и за рубежом. Можно прогнозировать, что в будущем предпочтительными станут именно партии, ориентированные на молодой возраст, на интересы детей и семьи, как наиболее значимые для судеб общества.

6. Сравнение голосования с бракосочетанием скорее похоже на шутку, чем на серьезный аргумент. С равным успехом, по этой аналогии, его можно сравнить с любым другим выбором: квартиры, города, одежды, религии и т.п., а не только супруга. Взрослые люди все подобные выборы, конечно, осуществляют по собственному усмотрению. Но в отличие от них, выбор политического представителя интересов детей, также как и выбор для них места жительства, учебы, отдыха, лечения и т.п. могут с успехом и с пользой для детей делать их родители. «Собственного усмотрения» детей тут нет, и не требуется, но польза для них достигается. Если такой выбор полезен и целесообразен, то почему он не пригоден? Ребенку, как и родителю и обществу, безразлично по собственному или чужому разумению избран тот или иной представитель его интересов – главное чтобы он их представлял и по возможности как можно эффективнее. Главное – чтобы интересы ребенка не были забыты и потеряны, чтобы их кто-то артикулировал, а как будет избран этот «кто-то», по усмотрению ребенка или родителя – это не самое важное. Поэтому нет смысла требовать от политического выбора представителей интересов детей такой же сознательности, как при выборе супруга – это принципиально разные выборы, в разных сферах и измерениях.

7. Все новое всегда утопично. ИпдИр утопично для традиционной демократии индустриального общества, на смену которой идеей демократия информационного (глобального) общества. Новое качество воспроизводства информации подготавливает условия и создает требования для нового качества воспроизводства самого человека как ресурса, которое невозможно без ИпдИр, без приоритетного инвестирования в этот капитал. ИпдИр не занимает пока высшее место в политической повестке отдельных государств, но ситуация в мире развивается так, что оно должно будет вскоре получить в ней приоритет и превратиться из утопии в насущную необходимость. Для оценки потребности и необходимости ИпдИр требуется иной масштаб и измерения, чем масштаб и измерения уходящего индустриального общества. Масштаб ИпдИр не столько национальный, сколько глобальный, дети – это глобальная проблема. Масштаб ИпдИр не ограничивается одной страной, сферой, отраслью, оно универсально, как универсальны

дети, как универсален человеческий ресурс, вырастающий из них. Измерения ИпдИр не краткосрочные, текущие, тактические, а долгосрочные, стратегические. Поэтому потребность в ИпдИр – это потребность глобальная и стратегическая, которую должны осознать отдельные страны. Те из них, которые первые поймут эту глобальную потребность, те обеспечат себе опережающее развитие в мире. Тогда оно станет явью и перестанет быть утопией.

Итак, у нас есть все необходимые основания утверждать, что перечисленные аргументы Хинрикса против ИпдИр не выдерживают критики. Но они имеют огромное значение для становления и укрепления логических позиций ИпдИр, для преодоления стоящих на его пути колоссальных теоретических и практических препятствий, порождаемых мышлением и практикой уходящего индустриального общества.

После рассмотрения многочисленных, но необходимых привходящих обстоятельств обратимся теперь к анализу ИпдИр как сетевого социокультурного и психологического института антитеррористического иммунитета.

Избирательное право детей, исполняемое родителями как социокультурный институт антитеррористического иммунитета

Рассмотрим социально-психологический и культурный механизм действия избирательного право детей, исполняемого родителями и опекунами. (В дальнейшем, для краткости, будем говорить только о родителях, что вовсе не умаляет значения опекунов, хотя их число значительно меньше родителей). Юридическим стержнем этого института является закон «Избирательное право детей России»⁸⁷, который устанавливает определенную культурную и правовую связь двух основных поколений, соединенных в семье: детей и родителей. Закон наделяет детей правом избирательного голоса, а родителей – правом использовать этот голос в интересах детей до их совершеннолетия⁸⁸. Данная юридическая связь имеет в основе естественную связь родителей и детей, укрепляя ее, и не противореча ей. Сама природа так соединила детей и родителей, что никто из них не существует без другого: дети не существуют без родителей, а родители без детей. Именно такая связь поколений создает связь времен, общественной истории и вообще человеческого рода. Ничего более фундаментального в природе человека и социума нет, потому что механизм взаимодействия поколений составляет сущность непрерывного воспроизводства человека и общества⁸⁹, сущность социо- и антропогенеза. Поэтому, на всем протяжении истории человечества отношения поколений, как и полов, были первым и основным предметом культуры,

их корректировки с точки зрения требований общества на разных уровнях его развития. Мы не будем вдаваться в историю происхождения семьи и развития культуры межпоколенных отношений. Мы остановимся лишь на одном, современном, очень узком, но очень важном в наше время аспекте общей и политической ответственности родителей за детей и наоборот, которая создается ИпдИр. Мысленно промоделируем изменение их взаимоотношений в случае, если обществом и государством будет принят соответствующий закон, т.е. закон о праве избирательного голоса несовершеннолетнего ребенка и исполнении этого права родителем ребенка⁹⁰.

В мысленном эксперименте речь пойдет о нормальных родителях, которые любят детей и заботятся о них, беспокоятся об их настоящем и будущем, по крайней мере, не равнодушны к их судьбе. Надо подчеркнуть, число таких родителей - подавляющее большинство. Как будут действовать такие родители, если они получают законное право использовать на всех выборах голос своего ребенка, если в избирательные списки будут включены не только они, но и их ребенок/дети? Мы не обсуждаем здесь варианты числа детей у родителей и разделения их голосов между ними – эти вопросы регулируются соответствующим законом, проект которого мы упоминали выше. Мы моделируем здесь только «чистую» и наиболее важную ситуацию отношения родителя (отца или матери) с ребенком, когда надо идти на те или иные выборы и голосовать за себя и за своего ребенка. Переменной величиной в этом отношении признается только возраст ребенка, в зависимости от которого меняется поведение родителя. Можно выделить четыре принятых возрастных периода ребенка: до 1 года, 1- 6, 7-12, 13-17 лет, которые потребуют от родителя разного качества поведения и общения с ребенком по поводу той или иной избирательной ситуации. Однако, для всех периодов характерны некоторые общие черты.

К ним относится, в первую очередь, сознание родителя того, что, заполняя избирательный бюллетень своего ребенка, он голосует в интересах ребенка и должен именно так голосовать. Он осознает, что это есть и его личный интерес, мотив, и общественный долг, обязанность, выполнение которой от него ожидается, одновременно. Мы уверены, что в подавляющем большинстве родители осознают реальные потребности детей, их интересы в основном совпадают, поэтому политический выбор родителей будет адекватен интересам детей. Однако, в случае с детьми старшего возраста, 13-17 лет, вполне возможны расхождения политических предпочтений, что мы рассмотрим ниже. В чем заключается основной интерес ребенка по отношению к избираемой власти на любом уровне? Поскольку основная задача власти – это распределение бюджетных средств на всех уровнях, постольку объективно основной интерес ребенка заключается

в приоритетном бюджетном (государственном) финансировании сферы детей (см. примечание 29). Если родитель понимает это, то он будет обладать четким критерием для своего политического выбора из числа кандидатов на все выборные должности в государстве.

Во-вторых, если родитель осознает, что в подобном выборе заключается не только его личный мотив как родителя, но соответствующая общественная (в том числе и политическая) ответственность, то его голосование и политическое поведение будут заданы соответствующим целевым образом. Из числа кандидатов на выборные должности он отдаст свой голос и голос ребенка за того, программа, опыт и действия которого в наибольшей мере отвечают задачам (а) формирования антитеррористического (и более широко – антидевиантного) иммунитета детей, (б) обеспечения безопасности детей (а значит и всего общества) и (в) приоритетного, т.е. первоочередного и максимально возможного в данный период и в данном месте, бюджетного финансирования сферы детей.

Теперь представим в общих чертах поведение типичного родителя в отношении своего ребенка на разных этапах его жизни. Если ребенок еще младенец, такой родитель оставит его в покое и постарается понять, как он может и должен себя вести, когда ребенок подрастет, что можно и чего нельзя говорить и делать, что будет понятно, а что непонятно ребенку и т.п.

Когда ребенку перевалит за год-два, родитель может брать его с собой на избирательный участок, говорить, что «мы идем с тобой голосовать, будем выбирать из многих самого хорошего дядю или тетю, который/ая будут о тебе думать, заботиться о твоём воспитании и твоей безопасности» и т.п. Конечно, у ребенка появится много вопросов по этому поводу, на которые родитель должен научиться и уметь отвечать в меру развития и понимания своего ребенка. Вполне возможно, что у папы с мамой может быть разный политический выбор, который они постараются объяснить ребенку и убедить его в том, что в нем нет беды, так как несогласие родителей касается лишь различия хорошего и лучшего. Или какого-то другого несущественного аспекта. Что вопрос выбора является сложным, что для его понимания и решения надо много знать и долго учиться.

В младшем школьном возрасте родитель может не только брать с собой ребенка на выборы, но и подготовить его, предварительно объяснить ему в общих чертах и просто политическую ситуацию и ее основную проблему. Он может назвать основные политические партии, участвующие в выборах, рассказать о главных различиях между ними, объяснить, какие интересы детей и как они выражают, обосновать свой выбор и т.д. Конечно, в этом возрасте ребенок будет уже более осмысленным собеседником родителя/ей и может задавать самые различные и неожиданные вопросы, которые заставят призадуматься. Многообразие и сложность политической

социализации детей младшего школьного возраста – 10-11 лет, которые должны учитываться родителями в своем общении с ними, более детально исследована в работе Н.А.Головина и В.А. Сибирева⁹¹ на основе контент-анализа рисунков младших школьников на политические темы в соответствии с методикой социального психолога В.С.Мухиной⁹². Уже в этом периоде, особенно на его позднем этапе родители могут рассказывать ребенку о его основных правах, принятых Конвенцией ООН и ратифицированных Россией⁹³. Они могут и должны акцентировать внимание ребенка на вреде и опасностях преступности, терроризма, наркомании, алкоголизма, которые незаметно могут проникнуть в его душу и погубить его, привести к преждевременной смерти, инвалидности или искалеченной жизни. Родитель может и должен внушить своему ребенку, что лучший иммунитет и защита от этих зол есть любовь к себе и людям, увлечение учебой, творчеством, спортом, искусством и т.п. В то же время, родитель может и должен объяснить ребенку, что он должен делать, если он непосредственно столкнется с проявлениями этих зол, как себя вести и поступать.

В старшем школьном возрасте спектр родительского общения с ребенком становится предельно широким. Он включает в себя не только повторение того, что делалось на прошлых этапах, но расширяется качественно новой, активной ролью ребенка, когда он не только слушает и задает вопросы, но и пытается формулировать свои собственные политические суждения и оценки. Старший школьный возраст – это возраст завершающего становления личности ребенка, это переломный, подростковый и юношеский, а потому очень трудный и сложный возраст во всех отношениях, в том числе и политическом. Политические предпочтения ребенка могут определяться в этом возрасте не столько родителями, сколько сверстниками или мотивацией противопоставления. Поэтому родитель должен быть готов не только объяснять, но и выслушивать возражения ребенка, понять источники его позиции, спорить с ним, не навязывая ему своего мнения. В любом случае, когда его выбор совпадает или не совпадает с политическим предпочтением ребенка, он должен обстоятельно аргументировать свое решение. В систему этой аргументации должны войти вопросы борьбы государства, населения, каждого человека с терроризмом, преступностью, наркоманией, алкоголизмом и другим социальным злом. Родитель должен объяснить ребенку и позицию избираемого от его имени представителя власти, и то, что может и должен делать ребенок для борьбы с социальным злом. На этом этапе родитель должен убедить своего ребенка, что путь социального зла, если он встанет на него, приведет его к физической гибели или тюрьме, падению и позору, которые станут источником постоянного горя и

стыда родителей, их общественного позора, осуждения и даже наказания, если будут приняты санкции, налагаемые на родителей за безответственное отношением к своему ребенку.

Мы считаем излишним более детально предугадывать те формы семейного и социального общения, которые будут порождены ИпдИр - жизненная практика всегда богаче и разнообразнее того, что может быть предсказано.

Повторение родителем антитеррористических (и антидевиантных) запретов и соответствующих действий с ребенком, а также практика здорового и гармоничного образа жизни обеспечат достижение поставленной цели. Еще Аристотель в «Никомаховой этике» подчеркивал: «повторение одинаковых поступков порождает соответствующие нравственные устои. (Разное качество деятельности определяет разные устои)...Так что вовсе не мало, а очень много, пожалуй, даже все, зависит от того, к чему именно приучаться с самого детства»⁹⁴. П.Бурдые устоявшуюся совокупность нравственных привычек и практических навыков поведения человека называет «габитус»⁹⁵.

Представленный механизм культуры общения поколений, создаваемый ИпдИр, выполнит многие цели и решит ряд задач: 1. Обеспечит формирование антитеррористического (более широко – антидевиантного) иммунитета подрастающего поколения, 2. Значительно повысит эффективность детской политической социализации, т.е., в конечном счете, политическую культуру населения, ее качество и политическую зрелость личности как основы гражданского общества и правового государства, что приведет к ограничению, а потом и искоренению абсентизма как явления, 3. Значительно поднимет политическую активность населения, 4. Обеспечит существенное повышение качества политических партий, а также избираемых органов и лиц в государстве. 5. Переориентирует бюджет и внутреннюю политику государства на приоритет детей и социальной сферы. 6. Укрепит связь поколений, особенно отцов и детей: как показало исследование, сейчас почти половина детей больше любит телевизор, чем папу. 7. Переориентирует семейный бюджет на приоритет развития детей⁹⁶. Можно назвать еще много других, более частных социальных, политических и психологических следствий представленного социокультурного института.⁹⁷

Конечно, представленный культурный механизм, создающий сетевой антитеррористический (и антидевиантный) иммунитет, потребует огромных финансовых ресурсов и возникнет не в одно поколение. Он потребует особой педагогической подготовки родителей в виде их обучения на соответствующих 3-6 месячных курсах. Он потребует разработки соответствующих методик, рассчитанных на разные группы детей, родителей и учителей. Для

выполнения своих новых обязанностей родители должны получить определенные льготы или в виде сокращения рабочего дня на 1-2 часа, или в виде денежных пособий, которые бы позволили им высвободить необходимое время. Эта работа должна вестись родителями в тесном контакте с детскими учреждениями, со школой, прежде всего. Для этого потребуются разукрупнение школьных классов и других детских учреждений, доведение численности воспитательной группы и школьного класса до 8-10-12 человек максимум, чтобы педагоги могли осуществлять индивидуальный подход к ребенку. Новое качество обучения и воспитания потребует увеличения зарплаты учителей в 3-4 раза, чтобы в школы пришли наиболее талантливые и квалифицированные специалисты. Школы должны быть оборудованы мастерскими, спортивными и тренажерными залами, бассейнами, художественными и актерскими студиями и т.п., чтобы дети могли заниматься в них полезными занятиями вместе со своими наставниками. И работать такие школы должны до 9-10 часов вечера. Все это потребует колоссальных бюджетных расходов, которые могут обеспечить только парламенты, избранные на всех уровнях на основе закона об ИпдИр большинством электората.

В отдельности ни семья, ни государство не сформируют антитеррористический иммунитет, а вместе – способны. Соединить их конструктивно, небюрократически, может только социокультурный институт ИпдИр, который усиливает горизонталь отношений населения и власти, гармонично дополняя укрепляемую вертикаль власти в системе мер борьбы с терроризмом.

ИпдИр расширенно воспроизводит социальный капитал каждого человека, в частности, такую важнейшую для современности его социальную добродетель, как антитеррористический (более широко – антидевиантный) иммунитет. Эта добродетель включает в себя любовь к людям и Родине, ненасилие, уважение к государству, толерантность, бдительность, противостояние насилию, гражданское и национальное самосознание. Особенно важно уважение к государству, так как только уважаемое государство служит народу, а если это уважение отсутствует, то власть служит себе. Но власть может формировать у народа нужные ей социокультурные добродетели с помощью соответствующих институтов, что показал Ф.Фукуяма на примере формирования преданности к императору в Японии⁹⁸. Другой такой институт, который может создать государство, если оно заботится о людях, – ИпдИр, формирующее преданность, но семье, родине и государству, без которой не может быть антитеррористического иммунитета и победы⁹⁹ над терроризмом.

Антитеррористический иммунитет – это конечный результат функционирования нового социального института – ИпдИр. Поэтому антитеррористический иммунитет является элементом

данного института, его неотъемлемой результирующей и культурной частью, не существующей без него. Рассмотрим его психологический механизм.

Психологический сетевой механизм антитеррористического иммунитета

Как писал А.И.Юрьев, «упрощение проблемы терроризма до уровня стандартных военных действий является ошибочным и бесперспективным». Военный аспект в нем, безусловно, присутствует и он наиболее очевиден, но его источники восходят к социологии и психологии. Поэтому «развязывать узлы военного противоборства необходимо на самом глубоком уровне их завязывания – на уровне психологической несовместимости систем миропонимания», совместимость которых не достигается силой оружия. Терроризм есть «борьба не столько за территорию, ресурсы или экономические позиции, сколько за содержание сознания»¹⁰⁰. Поэтому глубинную основу антитеррористического иммунитета составляет его психологический механизм, связанный с определенным качеством сознания человека.

На психологическом уровне институт ИпдИр представляет собой сеть психологических взаимодействий компонентов сложившегося сознания родителя с компонентами формирующегося сознания личности ребенка в процессе общения/коммуникации родителя с ребенком, который рассмотрен выше. Антитеррористический иммунитет на психологическом уровне есть формирование соответствующих табу во всех компонентах сознания ребенка: в его мышлении, воображении, памяти, воле, характере, мировоззрении, ценностной и мотивационной сферах. Сформировать устойчивые антитеррористические запреты во всех компонентах сознания ребенка можно только в процессе длительного и сложного общения родителя/ей с ребенком на протяжении всего периода становления его личности от рождения до совершеннолетия. Ни один социальный и юридический институт, кроме института ИпдИр, не нацеливает родителей и детей на формирование антитеррористического иммунитета, не создает для них необходимой мотивации, условий, социального одобрения и поддержки на весьма длительном жизненном отрезке в 18 лет. С учетом преемственности поколений – на протяжении всей жизни человека. Само собой разумеется, что общение родителя с ребенком вообще, а также в той части, которая привносится требованиями и ответственностью ИпдИр, неизмеримо шире задачи формирования антитеррористического иммунитета в сознании ребенка. Оно охватывает формирование массы других свойств сознания ребенка, прежде всего многочисленных позитивных жизненных навыков, а также других антидевиантных запретов, но это тема другой статьи.

Культурный сетевой механизм антитеррористического иммунитета

Новая, террористическая угроза требует новой культуры мира, семьи и отношений между поколениями. Но новая культура может вырасти только на фундаменте традиционной культуры. Поэтому, говоря о социокультурном институте ИпдИр для определенной страны, для России в нашей статье, мы должны найти в ее культуре и менталитете такие ценности, на основе которых может возникнуть и развиваться этот институт. Однако, российская культура, составляющая особую цивилизацию, очень сложна, поэтому попытаемся выявить эти сложности и их отношение к культурным инновациям.

Первая сложность носит исторический характер. Известно, что «принятие инноваций зависит от того, в какой мере их содержание согласуется с базовым культурным наследием, т.е. традициями». Задача культурного обоснования инноваций осложняется в России прерывистостью ее культурного развития и существованием в нем по крайней мере трех типов культурных образцов и традиций: досоветском, советском и постсоветском. «Принимая во внимание множественность и разнородность времен, пространств и образцов, присутствовавших в социокультурном наследии России, мы сегодня просто вынуждены выбирать не только свое настоящее, не только будущее, но и прошлое»¹⁰¹. Все исторические типы российской культуры, в большей или меньшей мере, признают ценность семьи и детей, обязанность родителей и государства заботиться о детях, поэтому они не противоречат возникновению института ИпдИр.

Другая сложность русской культуры состоит в ее структурной специфике, определение которой «в основном концентрируется вокруг ее отличия от европейской культуры» и сводится к вопросу «почему Россия так неудачно адаптирует материал западной культуры». Культура России более сходна не европейской, а азиатской культуре Японии «в том отношении, что они обе являются по структуре синтетическими – синтезируют внешний культурный материал с некоей базовой национальной культурой». Культура России «постоянно находится в лиминарном состоянии», которое порождается наличием в ней двух параллельных систем ценностей и практик, двух культур – «абстрактно-формальной системы идей и практик» и «архаической базовой национальной культуры» как антиструктуры¹⁰².

Третья сложность российской культуры – ее содержательная многомерность. Наша культура есть не монолит, а объединенная «множественность субкультур» - этнических, конфессиональных, фракционно-политических, коммерческих, торгово-мафиозных,

криминальных, молодежной, теневой, «ново-русской», «ново-бедной», номенклатурной и других¹⁰³. Некоторые выделяют еще субкультуры отцов и детей¹⁰⁴. Другим выражением многомерности нашей культуры является ее полиментальность. В системе культурных координат «дух-материя» и «общество-личность» выделяется четыре базовых российских менталитета: православно-христианский, имеющий тысячелетнюю историю и активно возрождающийся сегодня; коллективистско-социалистический, зарождающийся в крестьянской общине и рабочей артели; индивидуалистско-капиталистический, родившийся в России 19 века по западному образцу и возрождающийся с 1990 года; криминально-мафиозный, существовавший всегда, особенно усилившийся с конца 70-х годов нашего века¹⁰⁵.

Четвертая сложность российской культуры – специфика российского общества, определяющая специфику его культуры во всех сферах и наоборот: специфика культуры, определяющая специфику сфер в каких-то определенных отношениях¹⁰⁶.

Особо следует остановиться на роли семьи и детей в русской сельской общине, которая была фундаментом досоветской культуры России на протяжении почти тысячи лет и составляет ее наиболее глубокий, архаичный пласт. Община есть *мир*, она означала для русского человека первую вселенную, народ, которые определяли «спокойствие», «согласие», «мир», «мирное сообщество», как пишет Б.Н.Миронов. «Община была для русских людей и вселенной, и мирным сообществом, в котором люди должны жить мирно», которая минимизировала всякую негативную девиантность и формировала у каждого человека с рождения соответствующий иммунитет. Его основу составляли мир, согласие, терпимость и ответственность. Община строилась на объединении патриархальных семей, на принципах «общей собственности, совместного производства, коллективной ответственности перед государством за налоги и преступления, совершенные на территории общины». Община охватывала все стороны жизни человека и заботилась о всех своих членах на основе обычного права, т.е. стихийно выработанных обычаев и традиций. Ее основная ценность – взаимная ответственность за каждого, начиная с рождения, связанность всех интересами общего блага. В сельской общине земля, платежи и повинности делились поровну между семьями/домохозяйствами, пропорционально численности душ мужского пола, включая младенцев и стариков. Значит, в общине интересы детей учитывались наравне с интересами взрослых. На детей распространялись два неперемennых требования общины: «равенство всех в праве на общинную землю и равенство всех в обязанности платить налоги и повинности». Тем самым на детей возлагались как равные права, так и равные обязанности, *которые исполнялись родителями до их совершеннолетия или зрелости*. Исполнение их за своих

детей было обычной нормой, само собой разумеющейся, неписаной традицией заботы отцов о детях. (Не в этом ли состоит исток крепости русского духа и непобедимости России в прошлой истории?) *Именно в этой особенности русской культуры заключается исходный корень института избирательного права детей, исполняемого родителями. Поэтому наше предложение о создании этого института является не чем иным как возрождением тысячелетней российской традиции в новое время и в новой форме!* Вот уж поистине: все новое является повторением давно забытого старого!

Другая фундаментальная черта традиционного русского обычая родителей исполнять права своих детей, заключается в том, что участие глав домохозяйств (патриархов) в общих собраниях, *сходах* общин было *разным*, их голоса имели *разный* вес. «Какие бы вопросы не обсуждались на сходах, влияние отдельных крестьян на принятие решений было различным...Голос патриарха зависел от *величины* (подч.- Л.С.) и зажиточности семьи, которую он представлял. Поскольку именно размер семьи (*который определялся численностью детей в семье – Л.С.*)... в решающей степени определял ее благосостояние, а он колебался от 3 до 50 человек, то *соответственно* (т.е. в разы – Л.С.) варьировало и влияние патриархов», что нисколько не ущемляло демократического характера общины и исключало олигархическое управление. «При уравнительном распределении между крестьянами общинного имущества бремя (демократической – Л.С.) власти между ними распределялось *неравномерно*»¹⁰⁷. Здесь находится исток идеи наделения родителей разным числом избирательных голосов в соответствии с числом их детей (хотя оно ограничивается из соображений демографической политики.). Отсюда идет и наше отрицание утвердившегося сегодня формального демократического принципа «один человек – один голос», игнорирующего детей, разрушающего взаимную ответственность поколений. Институт ИпдИр в новой форме возрождает старую русскую традицию учитывать интересы детей и исполнять их права с рождения наравне с правами взрослых. Поэтому этот институт имеет самые глубокие корни в русской культуре.

В то же время институт ИпдИр эгалитарен, лишен таких пороков русской общины, как дискриминация женщин, круговая порука, патриархальность и других. Расширение ответственности родителей и государства за детей, обеспечиваемое этим институтом, не является круговой порукой. Их ответственность за детей просто наполняется новым качеством, соответствующим новому обществу и новой культуре.

На фоне абрисно представленной многомерности русской культуры, которая не противоречит ни в одном аспекте возникновению института ИпдИр, выделяется базовая ценность

семьи и детей. При всей многозначности этого вопроса, не вдаваясь в его многочисленные детали, отметим, что по свидетельству большинства исследователей роли семьи и детей в нашей культуре во все времена отмечалась их ведущая ценность и для человека, и для социальных институтов государства и церкви. И патриархальная семья, и современная семья занимают центральное место в системе ценностей российской культуры. По проведенным с 1990 года исследованиям «наибольшую ценность для россиян имеет семья, затем следует работа, друзья, свободное время, религия. Ценность политики для россиян достаточно низка»¹⁰⁸.

В системе внутрисемейных ценностей ведущее место занимают ценности любви и заботы о близком, взаимной поддержки и воспитания детей, продолжения себя в детях. Особую важность дети имеют для женщин, которые ставят их на первое место (93,3%), а мужчины ставят их на второе место (86,7%). Причем, супруги, уже испытавшие счастье материнства и отцовства, оценивают значимость для себя детей значительно выше (в несколько раз), чем женихи и невесты¹⁰⁹. Насколько важной является семья для детей показало исследование ЮНИСЕФ детских домов и интернатов России. Оказалось, что среди их выпускников «40% - зарегистрированные преступники, 30% - алкоголики и наркоманы, 10% - совершали попытку самоубийства. Только 10% выпускников школ интернатов и детских домов имеют возможность устроиться на работу и вести нормальный образ жизни. Согласно данным того же фонда, каждое пятое преступление в России совершается подростком, 85% преступных группировок и банд включают в себя детей. Каждый четвертый беспризорный подросток уже совершил уголовно наказуемое деяние, в Москве – каждый второй»¹¹⁰. Значит, не только супругам и родителям нужны дети, но и детям нужна семья, родители, без которых они в девяти случаях из десяти становятся преступниками, в том числе террористами.

Как установили социологические исследования, семья играет огромную роль в формировании ценностной ориентации подростков и ответственности личности, в определении качества отношений между поколениями. Все это сохраняется и развивается в русской фамилистской культуре. Исследования показали, что молодежь дает весьма высокую оценку гражданской активности старшего поколения, которое, в свою очередь, достаточно критически относится к невысокой гражданской активности молодежи. Серьезные расхождения и конфликты между поколениями на 80% существуют на почве «психологического непонимания» и бытовых проблем, в то время как из-за политических взглядов лишь в 3,7% случаев¹¹¹. В.Т.Лисовский определил сферный (т.е. по всем сферам общества) спектр отношений между поколениями: социальный аспект этих отношений определяет положение поколений в обществе, экономический

– уровень занятости, политический – отношения между поколениями в системе власти, культурный – отношение к культурному наследию и степень духовной преемственности поколений и т.д.¹¹².

Таким образом, можно сделать вывод, что и в традиционной, и в современной фамилистской культуре России, при всем их различии, в качестве базовых сохраняется ценность семьи и связанных с ней ценностей любви, заботы, доверия, помощи и поддержки как между супругами, так и между поколениями, между родителями и детьми. Институт ИпдИр не может быть квалифицирован в плане культуры иначе как механизм продолжения, укрепления и развития названных ценностей. Поэтому этот институт органично вписывается в контекст российской культуры вообще, фамилистской в частности. ИпдИр - это, прежде всего, проявление любви и заботы о детях, их жизни, безопасности, здоровье, счастье. Значит, этот институт есть, в первую очередь, культурная ценность и механизм и только потом, во вторую, но не менее важную очередь, это политическая ценность. Симбиоз фамилистских и политических ценностей в этом институте взаимно полезен: он укрепляет и обогащает как семью и семейную культуру, так и политику и политическую культуру. Поэтому институт ИпдИр образует новый канал духовной коммуникации поколений, новый тип диалога между отцами и детьми, новую форму их сотрудничества, преемственности и взаимной ответственности. Поэтому он является культурным сетевым (т.е.блокирующим всю систему источников терроризма) механизмом антитеррористического иммунитета. Его культура не может не воспроизводить соответствующий иммунитет, она не может не стать стержнем четкой просемейной идеологии государства с антитеррористической и антидевиантной направленностью, которой пока не было до сих пор.

Но между общиной и институтом ИпдИр есть существенное различие. Если община наделяла детей с рождения землей, несла за них экономическую и гражданскую ответственность, то ИпдИр, обеспечивая им экономическую и политическую заботу государства и семьи, возлагает на последних ответственность за *качественное* развитие детей, за их безопасность, антитеррористический и антидевиантный *иммунитет*. Если община стимулировала только количество детей, их рождаемость, то ИпдИр стимулирует, прежде всего, их качество, хотя способно стимулировать и рождаемость, и ее сокращение.

Избирательное право детей, исполняемое родителями как социальный капитал и социальный контроль

Антитеррористический иммунитет, формируемый в семье и школе в рамках правового и культурного института ИпдИр, результируется, с одной стороны, как важный социальный капитал индивида и общества, а, с другой, как эффективная форма социального контроля. В современной социологической литературе большое внимание уделяется социальному капиталу как совокупности социальных добродетелей человека и общества, который во многом определяет их качество и процветание. Ф.Фукуяма рассматривает социальный капитал, являющийся частью человеческого капитала, как способность людей составлять общность, объединяться для сотрудничества, понимать коллективные интересы и осознавать общее благо. Социальный капитал создается и передается культурными механизмами религиозных традиций и семейных обычаев. Его источником он считает доверие, порожаемое семейной культурой как культурой солидарной общности, которая, по его мнению, определяет экономическое процветание таких стран как Япония, Германия и США. «Объединение людей зависит от доверия между ними, а доверие ...обусловлено культурой». «Приобретение социального капитала требует (от индивида – Л.С.) адаптации к моральным нормам определенного сообщества и усвоение в его рамках таких добродетелей как преданность, честность и надежность...Социальный капитал вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными». «Социальный капитал не распределен между обществами поровну: в некоторых склонность к объединению является сильнее, чем в других...В ходе истории общество может как накапливать социальный капитал, так и терять его». Современную Россию Фукуяма считает наиболее индивидуалистической страной, растерявшей свой социальный капитал. Напротив, фамилистические общества – Япония, Китай и другие, в которых конфуцианство возвышало семейные узы над другими общественными отношениями, наращивают социальный капитал и уровень социального доверия, несмотря на различия этих стран. Высокий уровень доверия – это интенсивный рост сети мелких предприятий, высокий уровень концентрации и эффективности общественного производства. Поэтому в число традиционных ресурсов: капитал, труд, природа, по мнению Фукуямы, следует внести социальный капитал. Доверие есть результат не рационального выбора, а культуры как этического навыка семьи и общества¹¹³. Семья – фундаментальный институт, который дает гармонию, доверие, сотрудничество, поэтому семья служит важным источником эффективности всех сфер общества, в том числе экономики, что показал Ф.Фукуяма в своей книге.

Мы привели длинные цитаты из Фукуямы не случайно, ибо российская культура за советское и постсоветское время серьезно пострадала, в ней разрушены полностью или частично многие социальные добродетели. Мы превратились в общество «тотального неверия» и почти

полной безответственности поколений, потому что в послеоктябрьской (1917 года) России вплоть до настоящего момента не был найден механизм преемственного развития и модернизации фамилистской культуры русской общины. Эта культура за 90 лет была почти полностью уничтожена вместе с общиной. Но от нее что-то осталось, что может быть возрождено, развито и модернизировано. Речь идет о тех культурных ценностях патриархальной семьи и русской общины, составлявшие российский социальный капитал, который необходим России сегодня для возрождения всех ее сфер и для борьбы с новыми угрозами. К этим ценностям относятся: взаимная ответственность поколений, прежде всего родителей за детей, доверие между поколениями, между обществом и властью, забота о людях, в первую очередь о подрастающем поколении, мир, согласие, терпимость, приоритет интересов общего блага. Выше мы показали, что возродить эту сеть культурных ценностей в качестве современного социального капитала России может только институт ИпдИр. Мы не можем сегодня возродить общину и патриархальную семью – они были нужны и хороши в другое историческое время. В нашу эпоху нужен новый культурный институт, но с таким же многообразием социальных функций – это институт ИпдИр. Также как русская община была одновременно институтом воспроизводства этих ценностей и одновременно социального контроля, так и институт ИпдИр выполняет обе эти взаимосвязанные функции: воспроизводства социального капитала и социального контроля в виде формирования, прежде всего, антитеррористического (и антидевиантного) иммунитета.

Как институт социального контроля на уровне и семьи и государства, ИпдИр соответствует принципу «приоритета превенции, предупреждения преступности и иных проявлений девиантности»¹¹⁴, прежде всего терроризма. ИпдИр позволит разрушающейся культуре поколений превратиться в мощный антитеррористический институт социального контроля. Оно делает этот контроль всеобщим, но ненасильственным и ненавязчивым. ИпдИр отвечает современному требованию «радикальной смены девиантологических парадигм» в условиях «глобальной «девиантации» современных обществ»¹¹⁵, так как оно касается самых глубинных истоков девиантности и предотвращает ее наиболее гуманным и гармоничным способом – в семье и школе через родителей и учителей, вооружая их необходимыми правами, ресурсами и культурной мотивацией. Универсальный и культурный характер ИпдИр обещает сделать его наиболее эффективным (но не панацеей) институтом профилактики (предупреждения) преступлений, терроризма, прежде всего, лучшей превентивной программой социального контроля, способной противостоять «глобальной девиантации обществ» в России и не только. ИпдИр - это позитивная девиация¹¹⁶, которая нейтрализует негативные девиации и положит конец пагубной практике

непрерывной пропаганды насилия в средствах массовой коммуникации, создающей питательную почву девиантности, терроризма в том числе. Поэтому ИпдИр есть лучший институт социального контроля и для государства, и для семьи, и для средств массовой информации.

Кризисное положение России, всех ее сфер требует первоочередного возрождения и развития ее человеческого и социального капитала, создания новых действенных механизмов социального контроля. Для выполнения этой задачи есть немало предпосылок, но существует и очень много системных преград, самую важную из которых составляет засорение российской культуры семенами терроризма. Они стягивают в себе все культурные пороки страны и наиболее остро их обнаруживают.

Болезни России и российской культуры – почва терроризма

Россия больна, больна ее культура и душа. Болезни ослабили страну и иммунитет выживания. Они создают питательную почву для массового терроризма как особо опасной эпидемии. Всякий живой организм подвержен эпидемиям. Социальные девиантные эпидемии могут поражать общество, культуру, государство, социальные группы и т.п. Наиболее острой эпидемией для мира и России последних лет стал терроризм. Эпидемия быстро охватывает тот организм, в котором ослаблена иммунная система. И мир, и Россия либо лишились, либо ослабили естественный культурный антитеррористический иммунитет. Многие культуры мира, в том числе России, заражены семенами терроризма, которым не противостоят практически никакие иммунные заслоны и институты. Восполнить этот пробел может ИпдИр. Чтобы не быть голословными относительно болезней российской культуры оживим память читателей на этот счет.

Трудно сказать, какая болезнь современной России и ее культуры является самой тяжелой, более всего парализующей иммунитет, создающей наиболее опасную предпосылку распространения терроризма: коррупция, неверие, бедность, отсутствие диалога и т.п. Но ясно, что Россия больна и каждая болезнь подрывает и ослабляет духовный иммунитет населения. Больная культура – это больная душа народа и человека. Не претендуя на системный анализ этих сложных явлений, приведем лишь несколько соответствующих компетентных мнений.

Один из диагнозов больной России – «тотальное недоверие» и потеря идентичности. «Мы уже который год живем в ситуации недоверия всех ко всем. Предприниматель не доверяет наемным работникам, а те – работодателю. Государство не испытывает доверия к бизнесменам, бизнесмены - к своим партнерам и правительству. Такое тотальное недоверие, как показывает

история, завершается плохо» - примеры тому – революции 1905 и 1917 годов. Причину тотального недоверия автор видит в идеологии, в засилии старой, коммунистической и отсутствии новой. Он пишет, что «ни одна из реальных сил в стране ... не осознает, что в сознании миллионов по-прежнему царит советская власть», что «у нас в головах модернизация прежней системы еще даже не начиналась». Для 80% россиян свобода не нужна, почти столько же считают необходимым пересмотреть итогов приватизации, 66% считают, что большинство богатых – воры, но почти столько же хотят быть богатыми. Первое что требуется России – это сделать идеологию предметом общественного обсуждения. Но никто этого делать не хочет. Бизнесмены считают это делом министра культуры и интеллигенции. «Интеллигенции это делать неудобно, поскольку она левая. Власти делают вид, что значения идеологии не понимают. У каждого есть свои мотивы, но результат-то опаснейший»¹¹⁷. Вместо идеологии у нас «сейчас царит культ денег и людей, которые имеют деньги... У народа потеряна идея жизни..., поэтому женщины сегодня не рожают»¹¹⁸. Действительно, идеологический паралич современной российской культуры – это очень опасная болезнь. Она подрывает ее духовный стержень, противопоставляет все социальные группы страны, что парализует ее моральный иммунитет и создает благоприятную «культурную» почву для терроризма и «глобальной девиантзации» (термин Я.И.Гилинского – Л.С.) России. Идеология – это учение об идеалах (определение В.П.Бранского¹¹⁹), которое идейно вооружает личность, объединяет народ и вдохновляет его на повседневное практическое движение к ним. Если культура не дает идеологии, которая объединяет народ, то она лишает его культурной идентичности: «Нас кидает из крайности в крайность. На протяжении короткого периода истории мы воспевали коммунизм, потом его проклинали. Радовались «гласности» и перестройке. Разочаровавшись в Горбачеве, кинулись в непредсказуемые объятия Ельцина. Восхищались «либерализмом и демократией». Сегодня клеймим олигархов и примериваем тесноватый френч «управляемой демократии». И при всяком повороте кого-то проклинали или, напротив, возводили в святые. В результате не только в головах простых людей, но и у депутатов, у чиновников и политиков *полная путаница* (подч. нами – Л.С.). Одни хотят восстанавливать памятники Дзержинскому и Сталину, другие – царю-великомученику и А.Сахарову... И вся эта идеологическая «бесовщина» ползает по экранам телевизоров, заползает в учебники истории, а оттуда и в умы школяров. Учителя бьют тревогу: дети не понимают, откуда они родом»¹²⁰. Идеология есть аксиологическая и прагматическая квинтэссенция культуры, и если культура не дает идеологии, лишена ее, то это свидетельство ее болезни, слабости и/или смены, т.е. перехода к более сильной и здоровой культуре, способной создать народную идеологию/ии¹²¹. ИпдИр преодолевает идеологическую

«бесовщину», ставит на ее место всем понятный и приемлемый приоритет детей, примиряет в нем крайности и тем самым восстанавливает культурную идентичность и объединяющую народ идеологию.

Другой диагноз больной культуры России – «отсутствие диалога, которое порождает насилие». «Когда каждый вертится в своем кругу, общество распадается на маргинальные группы. В России, к сожалению, отсутствует традиция диалога – и на бытовом, и на парламентском уровне, а сейчас к тому же прекратился диалог между народом и властью. На смену дискуссиям пришли политтехнологии. Демократия есть не что иное, как обмен мнениями. Без него не прийти ни к какому согласию»¹²². Для серьезного диалога нужны по крайней мере две вещи: плюрализм идеологий и культурная привычка, навык диалога. Ни того, ни другого в современной российской культуре нет. Плюрализм идеологий требует государственной поддержки развития и обсуждения разных идеологических течений гуманистической, миролюбивой и ненасильственной направленности, а культура и навык диалога могут быть заложены только в семье институтом ИпдИр, который мы обсуждаем. Отсутствие диалога, как и идеологии – это тоже предпосылка терроризма.

Третий диагноз – бедность, которая является оборотной стороной либерального олигархического капитализма России последних 12 лет. Бедность – признак не только слабой экономики, но и симптом больной культуры и источник терроризма. Может быть, бедность народа и супербогатство олигархов есть следствие бедности культуры, отсутствия в ней идеологии гармонии, социального партнерства и взаимодействия? Прочтение названной книги Ф.Фукуямы наталкивает на такой вывод. Но это особая большая тема, которой мы не будем касаться. Мы приведем лишь несколько свидетельств о крайностях бедности и олигархизма России, которые создают почву для терроризма, подготавливая, с одной стороны, его массовых исполнителей, а с другой стороны, не менее массовых его заказчиков. По официальным данным 20% населения живут за чертой бедности, причем большинство из них это люди с образованием и постоянным местом работы. Однако, еще 50% населения относится к малообеспеченным, которые балансируют на грани: «при падении доходов на 10% за чертой бедности окажутся еще 50%»¹²³, т.е. в итоге – 70%. За 12 лет экономических реформ, от которых «россияне умирают», «лучше стала жить лишь одна и без того обеспеченная группа населения – примерно 20% россиян. Доходы остальных 80%, напротив упали». За это время по числу миллиардеров Россия вышла на третье место в мире после США и Германии, а беспризорных детей стало больше, чем после переворота 1917 года. В то же время в стране установлен «позорно равный» подоходный налог, когда «и миллиардер и нищий

платят одни и те же 13%». «Если увеличить обложение группы наиболее богатых россиян всего на 14%, это закроет проблему бедности полностью»¹²⁴. Другой академик также считает 13% подоходный налог «позором для нашей либеральной системы. Даже у американцев нет подобной налоговой шкалы. Зато у них есть необлагаемая часть» для малообеспеченных, а у нас и санитарка и миллиардер платят одинаково. «Вот и получается – за границу увозят миллиарды нефтяных денег, обложенных смехотворным налогом, а на инвалидов от рождения денег нет»¹²⁵. «Разрыв в доходах между богатыми и бедными в России катастрофичен. Более того, пропасть между ними постоянно увеличивается. В 1998 году соотношение было 1 к 13,8. В первом полугодии 2004-го – уже 1 к 15. С точки зрения социальной безопасности разрыв должен быть не более чем 1 к 8. Денег все больше, а жизнь все хуже»¹²⁶. В то же время по Федеральной целевой программе «Дети Севера», рассчитанной на 3 млн. детей севера России выделено 256 млн. рублей, что составляет 1.24 рубля на оздоровление одного ребенка. Число даже подобных программ за пять лет правительство сократило со 150 до 33¹²⁷. На детей денег нет, а олигархам их девать некуда, о чем свидетельствует В.Герашенко: «Российскому деловому миру деньги просто некуда девать». Как ему признался Председатель Сбербанка А.Казьмин «у меня 140 млрд. руб., которые я не знаю куда вложить»¹²⁸, а дети и социальная сфера нищенствуют. В то же время, «уровень эксплуатации рабочих рук в России в 5 раз выше, чем на Западе», а «разрыв доходов между бедными и богатыми составляет 40 раз, не говоря уже о миллионерах». В итоге, реформы и рынок породили «две совершенно разные России, два образа жизни, две морали (и культуры – Л.С.). Одна – для людей с нищенской зарплатой и пенсией. И другая – где деньги девать некуда и которой наплевать на первую»¹²⁹. «Бедные плодят бедных и тянут в пропасть Россию», но богатых это не волнует. Как заявил олигарх Петр Авен «борьба с бедностью – функция не Альфа-банка и вообще не частного бизнеса. Это дело государства»¹³⁰. Да и аппаратная номенклатура не отстает от олигархов: «в последние 10 лет номенклатура жирела на фоне нищеты большинства населения, думая лишь о своем интересе»¹³¹. «Как утверждает академик Дмитрий Львов, 85% россиян владеют 7% национального богатства, а в руках небольшой группы олигархов (а их порядка 1500 человек, что составляет 0.00001% от всего населения России) сосредоточено более половины богатства России»¹³². «Наш крупный бизнес вообще не ориентирован (и никогда не был) на инвестирование в Россию. Это такой крысиный подход: наши олигархи стремятся выкачать из страны максимум средств, рассматривая Россию как территорию свободной охоты. Свои интересы, и политические, и житейские, они связывают отнюдь не с Россией...Вторая причина оттока капитала из России...Российским государством накоплены в различного рода резервах около 120 млрд.

долларов. И все эти астрономические средства официально и легально вывозятся из страны, размещаясь в иностранных ценных бумагах и иностранной валюте. Любые идеи, как можно было бы их использовать, вложив их в экономику России, преследуются»¹³³. И так, олигархи и государство высасывают капитал из страны и народа, порождая чудовищный раскол нации и культуры на антагонистические, нищую и богатую, части. Раскол создает самую питательную среду для терроризма (и не только, но и для гражданской войны), как и для «глобальной девиантации» страны, которые «добивают» ее одряхлевший организм. Преодолеть раскол и антагонизм можно только на самом глубинном уровне семьи и культуры поколений с помощью института ИпдИр. Этот институт развернет государство и государственный бюджет в сторону не олигархов, а детей. В пропасть Россию тянут не нищие дети, а олигархи и государство, которое служит им, но не народу, не детям. Смена приоритета культуры и государства с экономики на детей, на их развитие, здоровье и будущее есть лучшее оздоровление для всех: культуры, экономики и страны в целом, есть самое эффективное искоренение источников терроризма.

Коррупция – четвертый диагноз больной культуры. По некоторым сведениям коррумпировано до 80% государственного аппарата. 82% населения уверено, что должностные лица берут взятки¹³⁴. Ученые говорят о том, что «все российские министерства и ведомства поражены коррупцией», что все они связаны в коррупционные сети, руководителями которых являются «самые высокопоставленные российские чиновники и политики», создающие «тотальную коррумпированность всех ветвей власти на всех уровнях», в условиях которой «принципиально невозможно решить ни одной социальной, экономической, политической проблемы»¹³⁵. Известно, что террористки, взорвавшие в августе два самолета, прошли на них за взятку. Бараев, руководитель банды террористов, захвативших «Норд-Ост», имел новенький российский паспорт, который он получил за взятку. Новейшие образцы вооружения, за взятки, попадают не спецназовцам, а боевикам. Как сообщил бывший начштаба «Витязя» А. Головатюк «у боевиков в Грозном мы находили образцы стрелкового оружия, которые несколько месяцев назад видели только на выставках. Себе новейшие виды вооружений мы добывали в бою»¹³⁶. Лозунг нашей армии: «Лучшее оружие – террористам» - это в порядке черного юмора. Министр финансов А. Кудрин, комментируя очередное увеличение расходов на оборону почти на 30% в бюджете 2005, с олимпийским спокойствием признался: «Одни лишь деньги в полной степени не могут решить проблему борьбы с терроризмом. Главная проблема – коррупция в правоохранительных органах, в том числе милиции, армии. Продают оружие с военных складов, за деньги пропускают преступников через блокпосты. «Оборотней» большая зарплата не изменит. Дай такому больше

денег, он все равно пропустит бандита»¹³⁷. Значит, ждать эффекта от увеличения этих расходов не приходится: террористы как покупали, та и будут покупать оружие с армейских складов, как их пропускала милиция, так и будет пропускать, потому что у них с детства, с семьи и школы, не сформирован, а службой не закреплён, антитеррористический иммунитет и ответственности за его формирование никто, ни родители, ни государство, не несут. Другой пример, с регистрациями. «Кто выдает фиктивные регистрации? Сами сотрудники милиции. Выходит, главные пособники террористов – те самые органы правопорядка, которые должны быть в первых рядах борьбы с ним... Органы МВД умудряются прописывать в квартиры по 300-600 человек, выдавать паспорта подозрительным личностям»¹³⁸. Конечно, не бесплатно. То же таможня, спецслужбы и т.п. Выходит, что весь государственный аппарат вместе с армией, милицией и многочисленными другими правоохранительными органами, примерно 5 миллионов человек, которые призваны бороться с терроризмом, лишены самого главного – антитеррористического иммунитета. В этих органах он не формируется. Он формируется в семье и школе, если будет работать институт ИпдИр. Могут ли родители быть уверены в безопасности своих детей, если их охраняют такие «охранители»? Да, президент говорил о коррупции, но он не предложил конкретных мер борьбы с ней, кроме ужесточения наказания.

Отвращение к власти – пятый диагноз больной культуры. По опросам в стране постоянно падает доверие к власти, кроме президента. Постоянно снижается рейтинг лидеров «Единой России» и проигравшей оппозиции – доверие к ним упало до 6-3 %. «Особенно низко доверие к депутатам. Люди считают, что большинство из них идут в политику, чтобы «хапнуть», и, едва переступив порог Госдумы, забывают о клятвах и любви к народу». «За что же народ не любит власть? Социологические опросы дают возможность составить «иерархию» ее пороков. Жадность, взяточничество, холуйство по отношению к начальству и хамство по отношению к простым людям. Власть откровенно жирует в обнимку с олигархами... Власть разъедает безнаказанность. Изредка пойманным за миллионное воровство дают смехотворные сроки или освобождают по амнистии..... Пожалуй, самое большое раздражение у населения вызывает ложь. Раздражают рапорты чиновников «об успехах»: о росте доходов населения. И при этом все знают, что прирост к нищенской зарплате и нищенской пенсии немедленно съедается инфляцией, ростом коммунальных тарифов... В докладе независимого общественного Совета по национальной стратегии среди основных угроз на ближайшие годы называется недееспособность государственного аппарата, который вовлечен в обслуживание интересов олигархических группировок и слабо связан с интересами основной части бизнеса и населения. При этом на

содержание этого аппарата...тратится значительно больше средств, чем на науку, здравоохранение, культуру и спорт вместе взятые»¹³⁹. Кто владеет Россией? «23 олигарха контролируют: 25 регионов из 89; более трети всей промышленной продукции страны на сумму 12 млрд. руб., 19 млн. работников, или 16% трудовых ресурсов; 17% банковских активов; 60% рынка ценных бумаг» - это по данным Всемирного банка¹⁴⁰. (Может быть, подогревать терроризм в России и мире выгодно именно олигархам?) Государство лицемерит, заявляя одно, а делая другое. По свидетельству бывшего сотрудника ФСБ, «Я не верю, что у всех силовиков есть реальное желание ликвидировать Басаева и Масхадова. Так как многим во власти тогда не на кого будет списывать будущие теракты. Смешно говорить, что их не могут найти. Басаев ездит на лечение в Турцию. Разговаривает по телефону с Лондоном. Туда же своему другу Закаеву звонит Масхадов»¹⁴¹. Значит, само государство, его аппарат составляют питательную почву терроризма. Такое, больное, государство вылечить себя неспособно. Для оздоровления ему необходима мощная социальная опора, которую ему может дать только институт ИпдИр. Он охватывает примерно до 80% населения. В борьбе с терроризмом приоритету денег может противостоять только честное государство и население, вооруженные антитеррористическим иммунитетом, которым их может наделить только ИпдИр.

Ксенофобия, заполняющая идеологические пустоты современной русской культуры, и взращивающая живые семена терроризма – шестой диагноз ее болезни. При сокращении русских за 10 лет на 2 млн. и росте исламской составляющей на 2 млн. «ресурс этнической ненависти продолжает расти. По данным ВЦИОМ, число людей опасющихся кровавых столкновений на национальной почве, за последние 10 лет возросло на 20%. Плюс такой фактор как бедность. Плюс чрезмерная концентрация выходцев с Кавказа и Средней Азии в мегаполисах. Страхи и бедность – вот та опасная смесь, которая питает национализм с привкусом «русского фашизма». По оценке экспертов, в России более 50 тыс. ультра. Их годовой прирост – 20%»¹⁴². Русские ультра в одно мгновение могут стать террористами. Сейчас, почти каждый месяц в больших городах страны происходят убийства или избиения иностранцев. Русские ультра, составляющие живой ресурс терроризма в России, также не получили ни в семье, ни в школе заряд антитеррористического и антиксенофобского иммунитета. Другое живое семя терроризма – это определенный слой силовых структур. В западной прессе, после выступления Путина 13 сентября звучал призыв, что для борьбы с терроризмом «Путин должен решительно выступить против повседневного бытового терроризма своих военных, милиционеров и сотрудников спецслужб»¹⁴³. Живые семена терроризма, посеянные как зубы дракона в терактах в разных национальных республиках страны,

прорастают жатвой межнациональной розни и закручивают бесконечное колесо взаимной кровавой мести. Живые семена терроризма – это и различного рода фанаты, особенно футбольные, регулярно устраивающие уличные погромы и избиения. Живые семена терроризма – это студенты, которые, по нищете своей, вынуждены изготавливать бомбы для продажи. Живые семена терроризма – дедовщина, постоянно тлеющая в армии, оборачивающаяся сотнями убийств и самоубийств в армии, отравляющая душу молодых людей и морально подготавливающая их к насилию и терроризму. Живые семена терроризма – процветающие заказные убийства, оплачиваемые олигархами и просто богатыми людьми. Наконец к живым семенам терроризма надо отнести стремительно растущую армию «телефонных террористов» из числа подростков 10-17 лет, против которой милиция бессильна. Это самый печальный факт и в том смысле, что из них через 5-10 лет могут выйти сознательные террористы, и в том, что ни семья, ни школа не могут им противостоять – нечем, кроме суровых наказаний, которые скорее укрепляют подростков в свое правоте, чем исправляют их. Как видим, в стране очень широка почва для собственного терроризма и очень много подготовлено семян для нее.

Приведенные факты заставляют признать, что культура России сильно засорена семенами терроризма, которые могут прорасти в недалеком будущем невиданным всплеском собственного, российского терроризма, похлеще 1918 или 1937 годов. Противостоять ему может только системный и сетевой институт ИпдИр, который позволит и обяжет родителей формировать антитеррористический иммунитет у своих детей с младенчества, а школа и другие детские учреждения помогут им в этом тонком, деликатном, но фундаментальном деле, закладывающем базу нравственных и культурных устоев, исключая терроризм и другие девиации. Политическая и гражданская ответственность родителей за воспитание своих детей, за формирование в них антитеррористического (и антидевиантного) иммунитета должна сопровождаться как мерами поощрения (повышением зарплаты, пенсии, награждением госнаградами «За хорошее воспитание детей» через каждые десять лет и т.п.,) так и санкциями за невыполнение своей ответственности: снижением зарплаты, пенсии, наложением административных штрафов, вынесением общественного порицания и т.п. Этот вопрос требует специального обсуждения. Мы ограничиваемся лишь его постановкой.

Вывод, который можно сделать из анализа болезней страны, составляющих питательную почву терроризма, заключается в следующем. Избирательное право детей, исполняемое родителями в той или иной мере преодолевает все перечисленные системные предпосылки терроризма в культуре России, формируя позитивные идеалы, нравственные устои и

антитеррористический иммунитет, способные вылечить и оздоровить ее, конечно, не сразу, а в ряду последующих поколений. Такая перспектива, очевидно, лучше перспектив распада страны, ее гибели или гражданской войны.

Особенно важным ИпдИр оказывается для реформирования самой власти, для качественного изменения ее взаимоотношений с обществом, населением. Как известно «власть не может сама себя без участия общества модернизировать и реформировать. Мы же привыкли, что за нас, за население, все это кто-то должен сделать...Граждане, без активной и самостоятельной роли которых никакие изменения в корпусе госвласти не начнутся, по-старинке, по-прежнему уповают только на государство»¹⁴⁴. Но чтобы население приняло активное участие в реформировании власти, оно должно получить от власти новую мотивацию, мощную заинтересованность в этом деле и в то же время конкретный правовой механизм. Население не будет участвовать в реформировании власти в интересах чиновников. Оно будет активно участвовать в ее реформировании только в собственных интересах. Такую ориентацию, мотивацию, заинтересованность и механизм может создать только социокультурный и политико-правовой институт ИпдИр. Только он может активизировать население в модернизации власти, т.к. население будет руководствоваться сознательным стремлением улучшить положение детей, а вместе с ним улучшить собственное положение. У населения нет более мощной мотивации и заинтересованности в нужном для него реформировании власти. Мотив интересов детей, приоритетного улучшения их и своего положения является для населения наиболее сильным. Такая мотивация будет благом и для общества (она мощно стимулирует развитие гражданского общества, правового государства и местного самоуправления), и для власти (переориентирует ее с собственных интересов на интересы общества), и для их конструктивного сотрудничества, преодолевающего их взаимное отчуждение. Подобная реальность, если она утвердится, станет лучшей почвой для антитеррористического иммунитета и эффективным механизмом для искоренения самых глубинных социальных причин терроризма. Вместе с новой мотивацией этот институт обеспечит власть долгосрочной стратегией (если угодно – национальной идеей) развития и общества, и экономики, которой у нее нет до сих пор. Дети, их приоритет, является живым конкретным воплощением долгосрочной стратегии и власти и общества, которая гармонично объединяет их.

ИпдИр может сыграть важную роль и в борьбе с коррупцией. Отношение к коррупции как к чему-то постыдному и неприличному может быть сформировано в детском возрасте как элемент антидевиантного иммунитета ребенка только в семье, только в соответствующем родительском

воспитании. ИпдИр может запустить в действие мощный профилактический антикоррупционный механизм, который будет воспитывать детей соответствующим образом в семье и школе. Конечно, этот механизм потребует огромной подготовительной и методической работы. В рамках ИпдИр можно мотивировать расширение ответственности за коррупцию: формирование антикоррупционного иммунитета в семье и школе невозможно, если государство само не ведет решительной борьбы с коррупцией. Эта борьба требует расширения уголовной и административной ответственности за коррупцию: судить и увольнять с работы не только попавшегося коррупционера, но и его непосредственного начальника с запретом занимать в дальнейшем руководящие должности. Руководитель должен знать и пресекать коррупционеров среди своих подчиненных, а если он не знает или не пресекает их, то он не может быть руководителем. Отстранение от должности и запрет на руководящую должность – это самое страшное наказание для чиновника, а потому это самое эффективное средство борьбы с коррупцией и необходимая предпосылка для формирования антикоррупционного иммунитета у детей. Только подобные меры позволят российскому государству вылечиться от коррумпированности. Вообще ИпдИр можно «нагрузить» любым антидевиантным иммунитетом – против преступности, наркотизма, алкоголизма, ксенофобии и т.п. в дополнение к антитеррористическому и антикоррупционному иммунитетам. Поэтому ИпдИр можно квалифицировать в качестве одного из наиболее эффективных лекарств для больной России. К ее лечению оно привлечет наиболее активное население и обеспечит его соответствующей мотивацией, интересом и ресурсами. Государству, власти, без активного участия населения, с этими болезнями не справиться. ИпдИр объединит энергию населения и государства на излечение России от этих болезней.

Дети: надежда на возрождение России и защита от терроризма

По признанию академика С.Капицы, «Россия стоит на грани вырождения». Все убедились, что либеральная стратегия возрождения России провалилась. Поэтому подчеркивается, «для восстановления демократии в России нужен новый проект. И в основе его должна лежать не абстрактная либеральная идея, а национальная солидарность»¹⁴⁵. Л.Абалкин пишет: «нужна иная – альтернативная нынешней – стратегия возрождения России. А ее не было и нет. Нет программы, которая объединила бы людей вокруг каких-то общих интересов и целей»¹⁴⁶. ИпдИр способно и

объединить людей вокруг общих интересов приоритета детей и семьи, и обеспечить национальную солидарность. Приоритет детей, а вместе с ним родителей и особенно матерей, несущих основное бремя забот о детях, – достойная замена приоритета денег, прибыли и наживы, о необходимости смены которого заговорили священнослужители всего мира. Протоиерей Всеволод Чаплин пишет: «Прошедшее в августе 2004 собрание всех реформатских церквей мира заявило: «Мы отрицаем культуру прогрессирующего потребительства, конкурентную алчность и эгоизм неолиберальной системы глобального рынка, равно как и любой другой системы, отрицающей альтернативы... Мы отвергаем идеологии и экономические режимы, ставящие прибыли выше людей»»¹⁴⁷. Институт ИпдИр, обеспечивая приоритет детей, а вместе с ними родителей, особенно матерей, тем самым обеспечивает приоритет всех людей, которые так или иначе связаны с детством и родительством, с семьей. Приоритет детей для России, создаваемый этим институтом, объединит и возродит страну, обеспечит ей стратегический прорыв, новую национальную идею и покончит с устоявшейся «патологической жадностью» ее олигархов и богачей, свидетельствующей о потере ими ответственности за поколения детей и отцов своего Отечества. Надежду на возрождение России, поэтому нужно связывать не с культом денег, рынка, капитализма, либерализма, олигархизма и т.п. – это тупиковые пути, а с детьми, с родителями и матерями, которые способны установить, через институт ИпдИр, новый, гармоничный социальный порядок, исключая причины войн и терроризма, обеспечивающий благосостояние и процветание всем семьям. Возрождение России невозможно без искоренения социальных источников терроризма, без ограждения от него детей.

Сегодня дети - это самая уязвимая социальная группа для любой девиантной, в том числе террористической идеологии любого цвета: черного, коричневого, красного, зеленого. Дети - самый глубокий исток не только всех достоинств, но и всех пороков общества. Все хорошее и плохое в обществе начинается с детей. (Дети - это та часть общества, из которой вырастает все общество в целом со всеми плюсами и минусами, но которое определяет, прежде всего, через государство и семью, качество детей). Терроризм также начинается с детей, с политической безответственности родителей и государства за детей. Дети и женщины наиболее далеки от терроризма и войн, но именно они становятся их первыми жертвами и наиболее страшными орудиями. Через детей расширенно воспроизводятся социальные достоинства и пороки. Поэтому именно к детям должно быть обращено основное, приоритетное внимание и семьи, и государства. Обеспечить такое внимание, создать такой приоритет в политическом механизме общества может только институт ИпдИр той или иной правовой модификации¹⁴⁸. Этот институт, устанавливая политическую ответственность родителей и государства за качество детей, формируя у них

антитеррористический иммунитет, тем самым создает самое сильное, постоянное и эффективное социальное (не военное!) средство борьбы с терроризмом.

Посмотрим на проблему с другой стороны. По признанию Специальной сессии ООН по вопросам детства (май 2002), современное общество в большинстве стран оставляет детей в «нищете, дискриминации и пренебрежении», оно чуждо и враждебно детям. Поэтому общество, вольно или невольно сталкивая детей на обочину нищеты, дискриминации и пренебрежения, не должно удивляться тому, что из них вырастают террористы и преступники. Поэтому общество не только косвенно (не формируя антитеррористического иммунитета), но и прямо толкает молодых людей (а именно молодежь на 95 % составляет ряды террористов) в объятия террористов. Общество превращает детей в террористов, поэтому они становятся врагами общества. С этой точки зрения терроризм можно определить как крайний протест молодежи/детей против такого общества, которое оставляет их в «нищете, дискриминации и пренебрежении». Этот протест умело используется криминальными силами и олигархами, которые преследуют свои политические цели дестабилизации мира. Проблема терроризма - это и проблема поколений, когда старшие не способны уберечь детей от терроризма ни физически, ни духовно, пренебрегая интересами младшего поколения, вместо того, чтобы поставить их на первый план важнейшим приоритетом. ИпдИр исправляет этот перекосяк и дисгармонию в отношениях между современными поколениями. Оно превращает детей из потенциальной самой страшной опасности в самую верную надежду выздоровления и возрождения страны. Оно может показаться революционным. Но не надо бояться слова революция. Мы против насильственных и разрушительных революций, но кроме них есть мягкие и созидательные революции: социальные, научные, культурные, технические, информационные, которые мы приветствуем.

Выше уже говорилось, что терроризм никогда не удастся искоренить без участия населения, если люди с детства не будут вооружены антитеррористическим иммунитетом. Именно детей надо, прежде всего, спасти от терроризма, прививая им антитеррористический иммунитет через институт ИпдИр. Новое террористическое зло требует нового противоядия от власти и нового иммунитета от населения. Современный терроризм стал "достоянием" не отдельных народов или религий (чеченцев, арабов, мусульман и т.п.), а повсеместным, «глобальным» злом, ростки которого произрастают почти во всех странах - от них не застрахована ни одна из них, в чем заключается особая его опасность. Преступность расширяется и смыкается с терроризмом. Многие уголовные преступления мало чем отличаются от террористических. Примеров тому можно приводить бесконечно много даже из самых богатых стран. Это взрыв универсама в США

молодым американцем. Это "отстрел" американцев из снайперской винтовки отцом и сыном из Америки. Это расстрел одноклассников одним из учеников американской школы. В России: бесконечная череда заказных убийств по экономическим и политическим мотивам, на которые тратятся огромные деньги. Захват обиженным зятем своей тещи в заложники с какой-то бытовой целью. Изготовление взрывных устройств на продажу. Уничтожение гражданского самолета с десятками пассажиров на борту «случайной» армейской ракетой Украины. Столкновение двух самолетов с десятками пассажиров по халатности авиадиспетчера над Швейцарией и т.п. Плюс наркотизм, коррупция и т.п.

Новизна и неожиданность террористического зла рождает панику и растерянность, как среди населения, так и власти. Противопоставить паническим и пораженческим настроениям можно только научный анализ социально-политических корней терроризма и выработку эффективных социально-политических контртеррористических механизмов, одним из которых является институт ИпдИр. Фундаментального системного анализа источников терроризма, а главное - инструментов их преодоления и формирования антитеррористического иммунитета у населения и власти - социальная наука пока не предложила, если не считать институт ИпдИр, идея которого только-только начинает подниматься. Бессилие социальной науки делает власть близорукой, а отказ последней финансировать соответствующие исследования, порождает бессилие социальной науки перед терроризмом. Порочный круг бессилия социальной науки и близорукости власти раскручивает спираль их взаимного отчуждения, расчищая почву и обеспечивая "победу" терроризму, погружая человечество в кровавое болото глобальной и нескончаемой, как в Израиле (а может быть еще более страшной и бесчеловечной, с использованием детей), войны с террором, которая не оставит камня на камне. Разорвать этот порочный круг может институт ИпдИр.

Центром решения проблемы терроризма являются дети: либо из них будет пополняться армия террористов, либо они, обладая антитеррористическим иммунитетом, станут самым надежным заслоном терроризму. Эта альтернатива не имеет стихийного позитивного решения. Оно требует активных сознательных действий населения и государства, путь для которых может открыть только социокультурный и политико-правовой институт ИпдИр. Если интеллигенция, население и политическая элита России осознают его необходимость, то они превратят детей из опаснейшей угрозы в надежду, которая спасет и возродит страну. Эту надежду создает институт ИпдИр. Она особенно нужна России, которая, стоит на грани вырождения.

Эффективность избирательного права детей, исполняемого родителями

Эффективность ИпдИр создается тем, что оно затрагивает самый глубокий социальный корень терроризма - детство, потому что террористы, как и все, вырастают из детей. Но они вырастают в террористов в условиях семьи, школы и государства, которые не дают ребенку антитеррористической прививки (иммунитета), не несут за него антитеррористической ответственности, а иногда и толкают его к терроризму. На этот исток терроризма накладываются другие его истоки: нищета, фундаментализм, ненависть к людям, стремление к господству, равнодушие к своей и чужой жизни и т.п. Однако, все эти корни сосредотачиваются в семье (в родителях прежде всего) и в государстве, которые должны нести (но не несут!) гражданскую ответственность за детей, из которых вырастают (или могут вырасти) террористы. Институт ИпдИр обеспечивает расширенное воспроизводство ответственности за детей и в семье, и в государстве. Его эффективность во многом обусловлена его сетевым характером, соединяющем социальный, культурный, правовой, политический и психологический уровни, кратко обрисованные выше. Сетевая природа ИпдИр связана с сетевой природой детей, которые, вырастая, будут заняты во всех сферах и отраслях общества, на всех уровнях его управления. Дети связаны со всеми социальными, культурными, психологическими, правовыми и политическими компонентами общества, со всеми социальными группами: родителями, учителями, госслужащими и т.п. Обладая антитеррористическим иммунитетом, дети, став взрослыми, системно перекроют все источники и каналы терроризма. Этот иммунитет выбивает из рук террористов детей, которых они осваивают в качестве наиболее эффективных исполнителей и мишеней для достижения своих преступных целей.

ИпдИр имеет два основных эффективных следствия: для семьи и для государства. Для семьи оно означает рост политической культуры, активности и ответственности родителей, которые будут примером для детей. Эти качества, как политический компонент антитеррористического иммунитета, перейдут к детям. (Это очень большая тема новой политической морали и психологии, которая требует специального исследования.) Политически ответственные родители своим поведением, как примером, воспитают политически ответственных детей с антитеррористическим иммунитетом. *Политическая безответственность, которая является питательной почвой терроризма, вырастает в семье и порождает политическую безответственность в государстве.* ИпдИр ликвидирует ключевую причину этой безответственности. ИпдИр использует стремление родителей видеть своих детей живыми, а

террористы - это смертники. Какие же родители хотят смерти своих детей? Поэтому оно усиливает естественное антитеррористическое стремление родителей и семьи. Самый эффективный заслон терроризму в России - это целенаправленное движение общества от бескультурья тотального неверия и коррупции к культуре взаимной ответственности поколений через институт ИпдИр. Традиционная культура поколений России поставлена перед лицом новых угроз: терроризм, наркотики, алкоголизм, СПИД и т.д., к которым она не была готова. ИпдИр активно перестраивает и подготавливает эту культуру к новым угрозам, делая ставку не на оружие и деньги, а на формирование у детей и населения антидевиантного иммунитета. Утвердившись в поколениях, оно утвердит новую национальную идею России: безопасность, благополучие и гармоничное развитие детей, которые обеспечат безопасность, благополучие и социальную гармонию всей стране. Оно интенсифицирует рост социального капитала в каждой личности, развитие в ней социальных добродетелей гармонии, доверия и сотрудничества. В этом заключается причина его эффективности и преимущество перед военными контртеррористическими мерами.

Для государства эффективность ИпдИр означает новое качество: а) политической мотивации электората, б) политической ответственности за детей, семью и социальную сферу, в) депутатского корпуса, законодательной, исполнительной и судебной власти, г) избирательной системы, д) политических партий, е) политической стратегии и т.п. Оно даст новое качество бюджета, который будет переориентирован с приоритета военных и экономических расходов на приоритет социальных и детских расходов. (Думаем, что половину бюджетных денег, направляемых на борьбу с террором, полезнее отдать на формирование антитеррористического иммунитета детей, чем генералам.) ИпдИр в корне изменит внутреннюю и внешнюю политику государств. Если до сих пор многие из них по отношению к другим государствам ведут себя как террористы, преследуют свои военные и экономические интересы в мире и тем самым взрыхляют почву для терроризма, то ИпдИр переориентирует приоритет государств на детей и социальную сферу. Это выбьет государственную почву из под ног терроризма. Террористы - это не пришельцы из космоса, а продукты государства и семьи. Подготовка террористов и предпосылок для него составляет, к сожалению, значительную часть занятости современного государства. ИпдИр уничтожает эту занятость и ее предпосылки в государстве. Оно способствует новой политической социализации населения, возникновению гражданских объединений родителей, подростков, молодежи и т.п. Оно приведет к новому качеству гражданского общества, правового государства и демократии в целом. Как антитеррористический институт оно работает не на уровне физического уничтожения террористов, а на уровне искоренения и предотвращения всех (социальных,

культурных, политических и экономических) источников терроризма в семье и государстве. На государственном уровне проект ИпдИр соединяется с другим, информационным, проектом на сетевой базе сферных показателей новой статистики тетрасоциологии, который получил название «Сферная информационно-статистическая технология (СИСТ) Антитеррор»¹⁴⁹. Оба проекта вместе с военными инструментами, создают мощный государственный сетевой заслон терроризму на всех уровнях и во всех сферах общества. Этот заслон обещает практически полностью исключить терроризм из жизни общества. Он рождает эту обоснованную надежду, которую никто пока обещать не может, даже Президент США не рискнул дать подобного обещания. Этот заслон станет реальным, если общество будет готово обсуждать, исследовать, поддержать и финансировать институт ИпдИр, который составляет его фундамент и стержень. Сегодня проблема заключается только в этом.

Все это позволяет нам сделать вывод, что ИпдИр является наиболее эффективным антитеррористическим институтом. Оно создает ненасильственный иммунитет гармоничного мира, новой культуры мира, предотвращающей войны, террор и насилие.

Практические предложения

Резюмируя, перечислим первоочередные практические шаги в России по созданию института избирательного права детей, исполняемого родителями (ИпдИр).

1. Дополнить Президентскую программу борьбы с терроризмом положением о формировании у населения и власти антитеррористического иммунитета через социокультурный и правовой институт ИпдИр. (Это дополнение развивает идею Президента об антитеррористическом иммунитете, которую он высказал в устном выступлении 13 сентября 2004, но которая, почему-то, не попала в официальный текст его выступления.) Только поддержка власти на высшем уровне способна открыть для этой идеи путь практической реализации.
2. Создать в Администрации Президента специальный государственный научно-исследовательский и прикладной институт, численностью в 15-20 специалистов из разных отраслей социальной науки, под таким примерным названием "*Институт антитеррористического иммунитета населения и власти (ИАТИНВ)*". (Располагаться он может в Санкт-Петербурге. Я и мои коллеги могут составить ядро подобного института и подобрать его коллектив.

3. Выделить из средств, расходуемых на борьбу с терроризмом, 2-3% на социальную науку, на разработку института ИпдИр, на работу ИАТИНВ, на проведение соответствующих исследований, а также широких научных и общественных обсуждений ИпдИр и т.п. (Для проведения первоочередного опроса 1000 родителей Санкт-Петербурга требуется найти порядка 150 тысяч рублей.).
4. В целях обеспечения массовой политической поддержки института ИпдИр создать оппозиционную «Единой России» политическую партию с примерным названием **«Вперед, семья»** с тем, чтобы она могла принять участие в выборах в Госдуму в 2007 году, имея в качестве основной программной идеи идею ИпдИр. Эта партия не марксистского и не либерального, а скорее социал-демократического¹⁵⁰ толка. Она преследует цель процветания страны через социальную гармонию, партнерство и справедливость, на основе идеологии, провозглашающей приоритет ценностей семьи, детей, молодежи, избирательного права детей и возрождения России за счет новой культуры поколений. Соответствующая идеология могла бы консолидировать под свои знамена студенческие, молодежные, женские, правозащитные и многие другие общественные организации, в том числе работников, занятых в детской сфере – учителей, врачей и т.п. Такая партия с простыми и актуальными для населения целями будет очень массовой и влиятельной партией страны со свежей, конструктивной, а не демагогически избитой программой. Выборы-2007 покажут степень ее влияния и признания в стране, определяют ее шансы на участие в президентских выборах-2008.

Спасти Россию от смертельного комплекса системных болезней смогут только новые поколения детей и их родителей через 20-40 лет. Но надежда на спасение станет реальной, а не пустой, если она будет подкреплена сегодня или в ближайшие годы системным социокультурным институтом избирательного права детей, исполняемого родителями. Только он может запустить механизм коренного оздоровления общества, государства и культуры России через 20-40 лет. Других путей для выздоровления и спасения нет и не видится. Традиционные пути оздоровления через рыночные и либеральные механизмы западной цивилизации, построенные на приоритете денег, в России не работают и еще больше обостряют ее системные болезни, что убедительно подтверждают прошедшие 15 лет т.н. «рыночных реформ». Мировое соревнование на почве западных механизмов и приоритетов российская цивилизация никогда не выиграет по двум причинам: а) у нее нет соответствующего многовекового культурного опыта Запада и б) его опыт в России всегда

осваивался неудачно (см. выше). На этом пути она всегда будет плестись в хвосте западной цивилизации в качестве ее сырьевого придатка и никогда не станет *другим* полюсом будущего многополярного мирового порядка. Стать одним из полюсов такого порядка и выиграть мировое (и мирное) соревнование Россия может только на *своем* пути цивилизационного развития, только на почве *собственного* приоритета духовного и гармоничного человека, который воплощается взрослыми (прежде всего родителями) в детях, а дети являются чистыми носителями духовности и гармонии. Утвердить и развить этот приоритет в наше время в России способен только институт избирательного права детей, исполняемого родителями. Этот институт - эффективный преемник лучших культурных и фамилистских традиций русской общины.

20 декабря 2004.

Семашко Лев Михайлович,

к.ф.н., доцент, докторант кафедры политической психологии СПбГУ,

Директор общественного института стратегических сферных (тетрасоциологических) исследований,

Делегат Международного форума культуры мира,

Член Международной Социологической Ассоциации,

¹ Более детально это определение терроризма рассматривается в статье Л.М.Семашко «Сетевая, системно-сферная природа терроризма». Находится в публикации.

² Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской Федерации 13 сентября 2004. <http://www.kremlin.ru/>

³ Семашко Л.М. и М.Р.Девит. *Избирательное право детей – ключ к решению проблем детства*. СПб, 2004

⁴ Менделеев Д.И. *Заветные мысли*. М., 1995, с.344

⁵ Корчак Я. *Как любить ребенка*. М., Политиздат, 1990, с.14, 17,485 и др.

⁶ Wallace, Vita (1991). *Let Children Vote*. *The Nation*, v253 n12, 14 Oct 1991

⁷ http://www.brown.edu/Students/Association_for_Childrens_Suffrage/

⁸ <http://www.asfar.org/papers/voting.php>

⁹ <http://www.kraetzae.de/>

¹⁰ RINGEN, Stein (1996).: *In a Democracy, Children Should Get the Vote*, International Herald Tribune, December 14-15.

¹¹ PARIJS, Philippe van (1999), *The Disfranchisement of the Elderly, and Other Attempts to Secure Intergenerational Justice*, Philosophy and Public Affairs, 27: 292-333.

¹² GRÖZINGER, Gerd (2001), *Proxy Votes for Children and the Case for Representation, Deliberation, Sustainability: One Size Fits All?* (Flensburg, mimeo.)

¹³ WEBER, Max (1958), *Wahlrecht und Demokratie in Deutschland*, in Max WEBER, *Gesammelte Politische Schriften*, ed. Johannes Winckelmann, 2nd ed. (Tübingen: J.C.B. Mohr), 250

¹⁴ Hinrichs, Karl (2002), *Do the old exploit the young? If so is enfranchising children a good idea?*, in: Archives Européennes de sociologie 43, no 1, p.35-58

¹⁵ Семашко Л.М. *Тетрасоциология – революция социального мышления, путь гармонии и процветания*. СПб., 2000, с.45.

¹⁶ Баранов А.В. *Депопуляция – социальный вызов государству* // Звезда, 2001, № 1, с. 172-179.

- ¹⁷ Детская сфера или сфера детей – это важнейшая часть социальной сферы общества, осуществляющая воспроизводство подрастающего поколения, которая включает в себя семью и весь комплекс отраслей, работающих с детьми (образование, детское здравоохранение, спорт, досуг и т.п.), со всеми своими ресурсами. Более детально см. указ работу Л.Семашко и М.Девит, с. 7-9, и др.
- ¹⁸ Эту статистику, полученную в опросах жителей Петербурга, приводит научный руководитель АСИ Роман Могилевский. См. Шандорленко Д. *Барометр нашего мнения*. Газета «Утро Петербурга», 10.12.2004
- ¹⁹ Проект этого Федерального закона представлен в указанной книге Семашко и Девит, с.54-61
- ²⁰ Головин Н.А., Сибирев В.А. *Дети и выборы в Государственную Думу: о начале формирования базовых политических целей* // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001, 4, с.116-134.
- ²¹ Миронов Б.Н. *Социальная история России*. СПб, «Дмитрий Буланин», 2000, т.1, с.424-446
- ²² Башкирова Е.И. *Изучение ценностей российского общества* // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М.:Альфа-М, 2003. Т.1, с.554
- ²³ Прокофьева И.М. *Ценность брака и семьи как предмет социологического анализа* // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса. СПб, Скифия, 2000, с.152-153.
- ²⁴ Дондурей Д. Тотальное недоверие. АиФ, 2004, 39
- ²⁵ Гранин Д. *Сейчас культ денег. А от совести – только неудобства?!* АиФ, 2004, 46
- ²⁶ Аракелян А.Г. Отсутствие диалога порождает насилие. АиФ, 2004, 41
- ²⁷ Костиков В. Ожирение власти. АиФ. 2004, 25
- ²⁸ АиФ, 2004, 14
- ²⁹ Гишинский Я.И. *Девиянтология*. СПб, Юридический центр Пресс, 2004, 267-270 и др.
- ³⁰ Костиков В. *За что не любят власть?* АиФ, 2004, 20
- ³¹ Паин Э.. *Ресурс ненависти*. АиФ. 2004,19.
- ³² Утро Петербурга, 17.09.2004
- ³³ Alexander, Jeffrey C., Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil Smelser, and Piotr Sztompka. 1998. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press. Forthcoming.
- ³⁴ Alexander, Jeffrey C. (2003). *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press, p. 27-84. Более детальному обзору этой книги посвящена рецензия Л.М.Семашко: *Смыслы культурной социологии* // Телескоп, 2004, 2, с.50-53.
- ³⁵ Ruthven, M. (2002) *A Fury for God, The Islamist Attack on America*, London New York: Grant Books, p.209
- ³⁶ Обзор других подходов к терроризму смотреть в книге: Гишинский Я.И. *Девиянтология*. СПб, Юридический центр Пресс, 2004, с.248-255
- ³⁷ Phillips, Bernard. *The Web Approach to Terrorism. Terrorism as an 'Ism': An Epistemological and Metaphysical Approach*. Доклады на конференции «The Web Approach to Terrorism: Connecting the Dots», San Francisco, August 14th-16th, 2004
- ³⁸ Capra, Fritjof, *The Web of Life*, Anchor/Doubleday, New York, 1996; Castells, Manuel, *The Information Age*, vol.1, *The Rise of the Network Society*, Blackwell, 1996; Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., АСТ, 2004
- ³⁹ DeWitt, Martha R. *Understanding the Origins of Terrorism*. Доклад на конференции «The Web Approach to Terrorism: Connecting the Dots», San Francisco, August 14th-16th, 2004
- ⁴⁰ Black, Donald. “The Geometry of Terrorism,” *Sociological Theory* 22 (March 2004), p.14
- ⁴¹ Tilly, Charles “Terror, Terrorism, Terrorists,” *Sociological Theory* 22 (March 2004), 5-13
- ⁴² Bergesen, Albert J., and Omar Lizardo. “International Terrorism and the World-System,” *Sociological Theory* 22 (March 2004), 38-52
- ⁴³ Oberschall, Anthony. “Explaining Terrorism: The Contribution of Collective Action Theory,” *Sociological Theory* 22 (March 2004), 26-37
- ⁴⁴ Pillar, Paul R, *Terrorism and U.S. Foreign Policy* (2001), Brookings Institution. Chapter 2. The Dimensions of Terrorism and Counterterrorism, p. 12-40
- ⁴⁵ United Nations Office on Drugs and Crime, (2004), *Global Programme against Terrorism*, website <http://www.unodc.org/unodc/terrorism.html>,
- ⁴⁶ Пониманию терроризма именно как сообщения о массовой деструкции, различению первичного, реального и вторичного, в массовых коммуникациях, терроризма посвящена статья австралийки Х.Роземан. *Terror from Terror: the Psychological Warfare of Messages of Mass Destruction*. Доклад на конференции «The Web Approach to Terrorism: Connecting the Dots», San Francisco, August 14th-16th, 2004
- ⁴⁷ United Nations Office on Drugs and Crime, (2004), *Definitions of Terrorism*, website http://www.unodc.org/unodc/terrorism_definitions.html
- ⁴⁸ *Уголовный Кодекс РФ*. Статья 205.

- ⁴⁹ Юрьев А.И. *Политическая психология терроризма* // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Санкт-Петербург, 23 – 25 мая 2004 года. В этом сборнике приведено множество других определений и подходов к терроризму.
- ⁵⁰ Юрьев А.И. Указ. соч.
- ⁵¹ Первая попытка такого многомерного и тетрасферного понимания терроризма и его статистического представления предпринята в работе: Семашко Л.М. *Тетрасоциология: ответы на вызовы*. СПб, 2002, с.151-154.
- ⁵² Отраслевая дифференциация каждой сферы представлена в нашей работе: Семашко Л.М. Указ. соч., 2002, с.72-84
- ⁵³ Понятие и координаты социального пространства-времени детально рассмотрены нами в указ. соч.2002 года, с. 37-57
- ⁵⁴ Путин В.В. *Выступление на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской Федерации 13 сентября 2004*. <http://www.kremlin.ru/>
- ⁵⁵ АиФ, сентябрь 2004, № 38
- ⁵⁶ Гишинский Я.И. Указ. соч., с.253
- ⁵⁷ Pillar, Paul R, указ. соч.
- ⁵⁸ Юрьев А.И. Указ. соч.
- ⁵⁹ Систематизированная характеристика видов социальной девиантности представлена в указ. соч. Я.И.Гишинского.
- ⁶⁰ Семашко Л.М. и М.Р.Девит. *Избирательное право детей – ключ к решению проблем детства*. СПб, 2004, с.22-26
- ⁶¹ Детская сфера или сфера детей – это важнейшая часть социальной сферы общества, осуществляющая воспроизводство подрастающего поколения, которая включает в себя семью и весь комплекс отраслей, работающих с детьми (образование, детское здравоохранение, спорт, досуг и т.п.), со всеми своими ресурсами. Сфера детей, естественно, включает в себя и все проблемы детства: дошкольного и школьного воспитания и образования, акушерства и здравоохранения, рождаемости/смертности детей, летнего отдыха, досуга и спорта, сиротства, беспризорности, бездомности, наркомании, преступности, терроризма, проституции, труда подростков до 14 лет и т.п. Более детально см. указ работу Л.Семашко и М.Девит, с. 7-9, и др.
- ⁶² Эту статистику, полученную в опросах жителей Петербурга, приводит научный руководитель АСИ Роман Могилевский. См. Шандорленко Д. *Барометр нашего мнения*. Газета «Утро Петербурга», 10.12.2004
- ⁶³ *На Специальной Сессии ООН мировые лидеры обещают построить «мир, достойный детей»*// One Country, Москва, апрель-июнь 2002 (на русском). На английском документы Сессии: <http://www.unicef.org/specialsession/>
- ⁶⁴ Becker, Carl (2002). *A Buddhism Paradigm for a Sustainable Future*, Traditional Religion and Culture in a New Era / Reimon Vachika editor, New Brunswick (USA) and London, p. 123
- ⁶⁵ Соколов А.М. *Мировоззренческие основания трансформации статуса детства в истории европейской государственности* // Философия образования и мир детства. Материалы XI международной конференции «Ребенок в современном мире. Государство и дети». 21-23 апреля 2004. Санкт-Петербург, 2004, с.612-613
- ⁶⁶ Соколов Э.В. *Диалог в культуре детства* // Философия детства и социокультурное творчество. Материалы X международной конференции «Ребенок в современном мире. Культура и детство». 16-18 апреля 2003. Санкт-Петербург, 2004, с.54
- ⁶⁷ Более детально этот вопрос рассмотрен в указанной книге Семашко и Девит, 2004, с.39-54
- ⁶⁸ Семашко Л.М. и М.Р.Девит. Указ. соч.
- ⁶⁹ Менделеев Д.И. *Заветные мысли*. М., 1995, с.344
- ⁷⁰ Корчак Я. *Как любить ребенка*. М., Политиздат, 1990, с.14, 17,485 и др.
- ⁷¹ Wallace, Vita (1991). *Let Children Vote*. *The Nation*, v253 n12, 14 Oct 1991
- ⁷² http://www.brown.edu/Students/Association_for_Childrens_Suffrage/
- ⁷³ <http://www.asfar.org/papers/voting.php>
- ⁷⁴ <http://www.kraetzae.de/>
- ⁷⁵ RINGEN, Stein (1996).: *In a Democracy, Children Should Get the Vote*, International Herald Tribune, December 14-15.
- ⁷⁶ PARIJS, Philippe van (1999), *The Disfranchisement of the Elderly, and Other Attempts to Secure Intergenerational Justice*, Philosophy and Public Affairs, 27: 292-333.
- ⁷⁷ GRÖZINGER, Gerd (2001), *Proxy Votes for Children and the Case for Representation, Deliberation, Sustainability: One Size Fits All?* (Flensburg, mimeo.)
- ⁷⁸ WEBER, Max (1958), *Wahlrecht und Demokratie in Deutschland*, in Max WEBER, *Gesammelte Politische Schriften*, ed. Johannes Winckelmann, 2nd ed. (Tübingen: J.C.B. Mohr), 250
- ⁷⁹ Hinrichs, Karl (2002), *Do the old exploit the young? If so is enfranchising children a good idea?*, in: Archives Européennes de sociologie 43, no 1, p.35-58
- ⁸⁰ Семашко Л.М. *Тетрасоциология – революция социального мышления, путь гармонии и процветания*. СПб., 2000, с.45.

⁸¹ Баранов А.В. *Депопуляция – социальный вызов государству* // Звезда, 2001, № 1, с. 172-179.

⁸² Более детально эта аргументация представлена в указанной книге Семашко и Девит, с.28-29

⁸³ Хлебников А. Нефтяники занервничали. *АиФ*, 2004, 50

⁸⁴ Weber, Max (1958), *Wahlrecht und Demokratie in Deutschland*, in Max WEBER, *Gesammelte Politische Schriften*, ed. Johannes Winckelmann, 2nd ed. (Tübingen: J.C.B. Mohr), 254

⁸⁵ *The Age*, January 23rd, 2004, page 8

⁸⁶ Приоритет этих ценностей глубоко осознается в ряде стран, в которых благосостояние семей и детей во много раз лучше, чем в России, но в которых к их положению относятся более критически, дальновидно и мудро. В качестве примера можно сослаться на Австралию, где в последние годы поняли, что будущее их страны зависит от качества детей, а также от решения демографической проблемы снижения рождаемости. Там намного увеличены пособия по рождению детей. Там созданы мощные детские исследовательские проекты, финансируемые государством. Там проводятся университетские конференции, посвященные «созданию городов, дружественных детям», с намеком на то, что в богатейшей Австралии они остаются недружественными им. В Австралии создана совершенно уникальная политическая партия под названием «Семья первая». Все это свидетельствует о большой обеспокоенности общества, государства и социальной науки проблемой детей. Один из лидеров этого движения профессор Брендан Глиссон (Гриффин Университет) пишет в своем докладе «Будущее австралийских городов: создание пространства надежды» (2004, www.griffith.edu.au/centre/upp/), что при всем благополучии Австралии, ее дети и молодежь, "становятся более жирными, больными и мрачными, потому что мы ставим их перед лицом разъяренного и несчастного будущего (с13)". "Больное и ненавистное детство ведет, почти неизбежно, к губительному будущему"(с.3). Стремительное материальное обогащение Австралии за три последних десятилетия "сопровождалось потрясающим снижением здоровья и благосостояния наших детей"(с.15) Говоря о социально-экономической поляризации, обогащении высших и обнищании низших классов, он подчеркивает, что в обоих случаях проигрывает молодежь и дети (с.3). В области политики он отмечает ослабление "публичной сферы" Австралии как "клея демократии", только с усилением которой он связывает надежду на улучшение положения молодежи и детей в Австралии (с.4). Города Австралии он считает "ядовитыми" для детей. В них молодежь деградирует (с16). Поэтому он стал инициатором проведения в октябре 2004 Интернациональной конференции под названием: "Создание дружественных детям городов". В России нет городов, которые задаются вопросом, являются ли они дружественными детям. Это яркий пример мужественной гражданской позиции зарубежного социального ученого.

⁸⁷ Проект этого Федерального закона представлен в указанной книге Семашко и Девит, с.54-61

⁸⁸ Юридический механизм реализации избирательного права детей детально рассмотрен в указанной книге Семашко и Девит, с.16-21. Подчеркнем еще раз, антитеррористическая функция избирательного права детей, исполняемого родителями является *лишь одной из многих* его функций, основной смысл которых заключается в позитивном гармоничном развитии ребенка, в создании ему семьей и государством максимума благоприятных условий для этого.

⁸⁹ Более детально об этом воспроизводстве см. Семашко Л.М. Указ. соч., 2002, с.65-76

⁹⁰ Проект этого закона был написан до трагедии в Беслане. Сейчас он должен быть дополнен требованием формирования антитеррористического (и более широко – антидевиантного) иммунитета у населения, прежде всего у детей. Этот закон должен установить ответственность родителей и государства в лице всех своих органов за формирование подобного иммунитета. Формы и меры этой ответственности определяются специальной частью закона об избирательном праве детей, или специальным законом, или дополнительными статьями различных кодексов: Гражданского, Уголовного, Семейного, Административного и др. Важно, чтобы подобная ответственность была закреплена законом, чтобы она действовала и учитывалась родителями и государством, а как, где, в какой мере и форме – это вопрос второй, не самый важный, но, может быть, самый трудный. Он требует особого рассмотрения, в которое мы здесь не входим.

⁹¹ Головин Н.А., Сибирев В.А. *Дети и выборы в Государственную Думу: о начале формирования базовых политических целей* // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001, 4, с.116-134. Авторы исследования в качестве общей характеристики отмечают «заинтересованное, равнодушное отношение детей к выборам», что составляет благоприятную предпосылку для формирования у них в семье и школе нужных политических качеств, в том числе антитеррористического иммунитета. Позитивное и негативное отношение детей к выборам выражается в этом исследовании пропорцией 77/23. Это значит, что все дети интересуются выборами, но трое из четырех относятся к ним положительно, а один из четырех – отрицательно, что также должно учитываться и родителями и школой в политическом воспитании детей. Авторы выделяют три уровня и этапа формирования политических установок и предпочтений детей: эмоциональный или аффективный, характерный для младших школьников, когнитивный и поведенческий, характерный для старших школьников. Исследование дает интересную статистику распределения политических установок детей. Авторы делают важный вывод, что у детей «базовые политические ориентации активно формируются уже в 10-11-летнем возрасте, и, видимо, ранее под влиянием текущего политического процесса». Из него следует, что дети уже с 9-10 лет готовы к активному политическому воспитанию в семье и школе, в том числе к активному соисполнению с родителями своего избирательного права. Поэтому ребенок с 9-10 лет должен

рассматриваться родителем как активный участник и партнер в исполнении его избирательного права. Авторы исследования подтверждают формирование предпосылок «избирательной культуры» у 5-классников: «мы удостоверились, что политический плюрализм воспринимается нынешними 5-классниками как само собой разумеющаяся повседневность, или, пользуясь термином классика социологической теории А. Шюца, как “естественная установка. У младшего поколения есть существенный потенциал для восприятия демократических норм и ценностей...Перспективы формирования гражданской культуры у младшего поколения внушают определенный оптимизм». Значит, уже 10-11 летние дети готовы к формированию антитеррористического иммунитета. А вот готовы ли к этой задаче родители, школа и государство – это вопрос, который положительно может решить только закон об избирательном праве детей, исполняемом родителями. Этот закон очень нужен нашим детям, но не в меньшей мере он нужен родителям и государству.

⁹² Мухина В. С. *Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта*. М., 1981

⁹³ О правах ребенка, их исполнении в России и задачах семьи и школы по их обеспечению см. работы В.Н.Ястремского:

Права ребенка в вопросах и ответах. СПб, 2002; *Права ребенка*. Сборник статей. СПб, 2003; *Защита ребенка от насилия*. СПб, 2003; *Латвия: Свобода выбора языка общения* // Право, 2003, 11; *Дети и их гражданство в Российской Федерации* // Право, 2003, 8-9; *Влияние окружающей среды на детей* // Право, 2004, 5-6. В ряде работ автор показывает, что российская действительность готовит детей к насилию, а, значит, в том числе и к терроризму. В своей статье «*Последствия сексуальной революции в России*» (Право, 2003, 4, с.8-9) он цитирует слова Ю.В.Трунцевского и А.В.Семачеева (Государство и право, 1999, 2, с. 101) «Именно в детстве кроются корни чудовищных превращений нормальных людей в садистов, эксгибиционистов, педофилов, содомитов и просто в сексуальных насильников» (и террористов – добавим мы – Л.С.) и подтверждает их многочисленными фактами российской реальности. В другой статье «*Православная культура в школе*» // Право, 2004, 1-2, с. 7-9) В.Н. Ястремский пишет: «Очень часто проявления родителями грубости, цинизма, невежества по отношению к своим детям приводят к отрицанию духовной общности между ними, к отрицанию взаимного доверия, без которого непременно будет расти ложь и обман». Он пишет «о пагубном и растлевающем влиянии СМИ на чуткую и ранимую душу ребенка. Телевизионные программы насыщены насилием, жестокостью, на экранах кровь льется рекой, горы трупов...Один немецкий психолог подсчитал, что к 16 годам дети видят на экране 18 тысяч убийств». Все это создает питательную пищу для прорастания семян терроризма в душах детей. Поэтому так настоятельна необходимость контрпропаганды и формирования антитеррористического иммунитета, чем должны заниматься прежде всего родители и школа (государство). И здесь ничто, кроме избирательного права детей, исполняемого родителями не создаст социокультурный механизм его формирования. И только этот механизм возродит (там, где нет) и расширит (где есть) духовную общность родителей и детей. Только он способен искоренить растлевающее влияние СМИ на детей и заменить его программами формирования антитеррористического (более широко – антидевиантного) иммунитета, рассчитанными для разных возрастов детей и для разных по подготовленности групп родителей и учителей. В более широком смысле можно утверждать, что избирательное право детей, исполняемое родителями, есть то единственное право, которое обеспечивает эффективное выполнение всех других прав детей, записанных в Конвенции ООН о правах ребенка и которая мало где выполняется.

⁹⁴ Аристотель. *Сочинения в четырех томах*. Т.4, Мысль, М.1983, с 79

⁹⁵ Бурдые П. *Начала*. М., Социо-Логос, 1994, с.99, 119 и др

⁹⁶ Можно высказать гипотезу, что в семейном бюджете среднего и высшего классов расходы на предметы роскоши, недвижимость и другие материальные блага значительно превышают расходы на развитие детей.

⁹⁷ Более детальный перечень последствий избирательного права детей для всех сфер общества представлен в указанной книге Семашко и Девиц, с.22-27. Подчеркнем, что сеть субъектов избирательного права детей, исполняемого родителями, помимо детей и родителей включает еще учителей и государственных служащих, отношения с которыми мы не рассматриваем в данной статье, но задача которых очень прозрачна: помогать родителям в воспитании детей, в формировании у них антитеррористического иммунитета и делить с ними ответственность за результаты его формирования. Ответственность родителей за своих детей, возлагаемая избирательным правом детей, консолидирует родителей в отстаивании прав своих детей в школе и государстве. Эта консолидация может найти политическую форму в создании соответствующей политической партии, выражающей интересы семьи, родителей и детей.

⁹⁸ Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь процветания*. М., АСТ, 2004, с.297-303 и др.

⁹⁹ «Победить, искоренить» терроризм полностью, как и любую девиантность, невозможно, но антитеррористический иммунитет может его радикально минимизировать. Именно это мы имеем ввиду в данном случае.

¹⁰⁰ Юрьев А.И. Указ. соч

¹⁰¹ Гофман А.Б. *От какого наследства мы не отказываемся? Традиции и инновации в постсоветской России* // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М.:Альфа-М, 2003. Т.1, с.556-558.

¹⁰² Асочаков Ю.В. *Культурная специфика России в перспективе глобализации*. Там же, с.617-619.

- ¹⁰³ Иконникова С.Н. *Траектории динамики субкультур* // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса. СПб, Скифия, 2000, с.279
- ¹⁰⁴ Петров А.Ю. *Субкультура детей и субкультура родителей: взгляд на проблему профвыбора* // Там же, с.160
- ¹⁰⁵ Семенов В.Е. *Российская полиментальность и ее выражение в культуре* // Там же, с.278
- ¹⁰⁶ В первом приближении этот вопрос поставлен в нашей книге: Семашко Л.М. *Тетрасоциология: от социологического воображения через диалог к универсальным ценностям и гармонии*. СПб, 2003, с.22, 27 и др.
- ¹⁰⁷ Миронов Б.Н. *Социальная история России*. СПб, «Дмитрий Буланин», 2000, т.1, с.424-446
- ¹⁰⁸ Башкирова Е.И. *Изучение ценностей российского общества* // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М.:Альфа-М, 2003. Т.1, с.554
- ¹⁰⁹ Прокофьева И.М. *Ценность брака и семьи как предмет социологического анализа* // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса. СПб, Скифия, 2000, с.152-153.
- ¹¹⁰ Гребешева И.И. *Социальные аспекты репродуктивного здоровья и ответственного родительства* // Там же, с. 155
- ¹¹¹ Лебедева Л.Г., Дудин Г.А. *«Отцы и дети»: конфликт и сотрудничество, разрыв и преемственность* // Там же, с.158-159, си. Также с.157, 159-160 и др.
- ¹¹² Лисовский В.Т. *Духовная преемственность поколения: социологический анализ* // Педагогическая наука в контексте модернизации образования. СПб, 2002, с. 37-38
- ¹¹³ Фукуяма Ф. Указ. соч. с.26, 51-54 -76 и др.
- ¹¹⁴ Гишинский Я.И. Указ. соч., с.18
- ¹¹⁵ Там же, с.13
- ¹¹⁶ О позитивных девиациях см. указ. соч. Я.И.Гишинского, с.395-409
- ¹¹⁷ Дондурей Д. *Тотальное недоверие*. АиФ, 2004, 39
- ¹¹⁸ Гранин Д. *Сейчас культ денег. А от совести – только неудобства?!* АиФ, 2004, 46
- ¹¹⁹ Бранский В.П., Пожарский С.Д. *Социальная синергетика и акмеология*. СПб, 2001, с.19; Они же. *Социальная синергетика и акмеология*. СПб, 2002, с 33 и др.
- ¹²⁰ Костиков В. *Из какой России мы родом?* АиФ, 2004, 45
- ¹²¹ В качестве одного из вариантов такой идеологии предлагается тетрасоциологическая теория (тетризм), высшими идеалами которой являются социальная гармония, справедливость, свобода, равенство, братство, процветание, сферная демократия, избирательное право детей, исполняемое родителями. Тетристская (или тетрасоциологическая) идеология и мировоззрение разрабатывается нами около 30 лет. Она представлена примерно в 100 публикациях автора, в которых рассматриваются ее философско-методологические, мировоззренческие, социологические, политические, экономические, антропологические, культурологические, аксиологические, юридические и прагматические аспекты.
- ¹²² Аракелян А.Г. *Отсутствие диалога порождает насилие*. АиФ, 2004, 41
- ¹²³ *Бедная Россия*. АиФ, 2004, 38
- ¹²⁴ Львов Д. *Россияне умирают от экономических реформ*. АиФ, 2004, 24. По исследованиям Н.Римашевской власть занижает уровень нищеты. По ее данным 60% населения живут в бедности, а официально признаются лишь 17%. При этом Россия покупает больше всего в мире «Мерседесов» и «Бентли». АиФ, 2004, 20
- ¹²⁵ Петраков Н. *Бюджет: много денег...и ничего!* АиФ, 2004, 40
- ¹²⁶ Абалкин Л. *Хватит проедать недра и мозги*. АиФ, 2004, 45
- ¹²⁷ Кактаурская М. *Миллионы в пропасть*. АиФ, 2004, 20
- ¹²⁸ Герашенко В. *Нуворишам некуда девать деньги*. АиФ, 2004, 21
- ¹²⁹ Костиков В. *Ожирение власти*. АиФ. 2004, 25
- ¹³⁰ Бобков В., Кожемякин В. *Бедность тянет Россию в пропасть, но богатых это, похоже, не волнует*. АиФ. 2004, 41
- ¹³¹ Костиков В. *Новая номенклатура*. АиФ.2004, 14
- ¹³² *Кому все досталось*. АиФ, 2004, 42
- ¹³³ Леонтьев М. *Капитал высасывают из страны*. АиФ, 2004, 42
- ¹³⁴ Костиков В. *Новая номенклатура*. АиФ, 2004, 14
- ¹³⁵ Гишинский Я.И. Указ. соч., с.267-270 и др.
- ¹³⁶ АиФ, 2004, 37
- ¹³⁷ Кудрин А. *Куда девать деньги?* АиФ. 2004, 42
- ¹³⁸ Чижев Максим. *А у вас не прописан террорист?* АиФ. 2004, 41
- ¹³⁹ Костиков В. *За что не любят власть?* АиФ, 2004, 20
- ¹⁴⁰ АиФ. 2004, 15
- ¹⁴¹ Булдаков В. АиФ, 2004, 37
- ¹⁴² Паин Э.. *Ресурс ненависти*. АиФ. 2004,19.
- ¹⁴³ Утро Петербурга, 17.09.2004
- ¹⁴⁴ Шамахов Вл. Ректор Академии Госслужбы. Интервью газете «Русская Европа», 2004, № 4
- ¹⁴⁵ Костиков В. АиФ, 2004, 38

¹⁴⁶ Абалкин Л.Указ. соч, АиФ, 2004, 45

¹⁴⁷ Чаплин В. *Бог не только с богатыми*. АиФ, 2004, 44

¹⁴⁸ В указанной книге Л.Семашко и М.Девит представлена лишь одна правовая модификация соответствующего законопроекта, которая не исключает других его правовых вариантов

¹⁴⁹ Об этом проекте см. более детально книгу Л.Семашко: *Тетрасоциология: ответы на вызовы*. с.150-154

¹⁵⁰ Программа такой нелиберальной, тетристской партии предложена нами, см: *«Манифест сферной демократии – алиберальный проект»* // Телескоп, 2004,